

КРУГЛЫЙ ГОД С Литературой

КВАРТАЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГЕННАДИЙ КРАСУХИН

Круглый год с литературой

Геннадий Красухин

**Круглый год с литературой.
Квартал четвёртый**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Красухин Г.

Круглый год с литературой. Квартал четвёртый / Г. Красухин — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Круглый год с литературой)

Работая редактором литературных изданий и занимаясь литературным преподаванием, автор вынашивал замысел о некой занимательной литературной энциклопедии, которая была бы интересна и ценителям литературы, и её читателям. Отчасти он воплотил этот замысел в этой книге-литературном календаре, в календарных заметках, которые вобрали в себя время – от древности до наших дней. Автор полагает, что читатель обратит внимание на то, как менялись со временем литературные пристрастия, как великие открытия в литературе подчиняли себе своё время и открывали путь к новым свершениям, новым открытиям, – дорогу, по которой идёт и нынешняя литература и будет идти литература будущего.

© Красухин Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1 ОКТЯБРЯ	5
2 ОКТЯБРЯ	11
3 ОКТЯБРЯ	16
4 ОКТЯБРЯ	26
5 ОКТЯБРЯ	31
6 ОКТЯБРЯ	38
7 ОКТЯБРЯ	43
8 ОКТЯБРЯ	49
9 ОКТЯБРЯ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Геннадий Красухин

КРУГЛЫЙ ГОД С ЛИТЕРАТУРОЙ

КВАРТАЛ ЧЕТВЁРТЫЙ

Календарь, частично основанный на мемуарах

1 ОКТЯБРЯ

Григорий Иванович Коновалов (родился 1 октября 1908) был известен читателям прежде всего по своему роману-дилогии «Истоки», над которым работал 8 лет (1959–1967) и за который получил Госпремию РСФСР и Первую премию по итогам конкурса на лучшую книгу у рабочем классе.

Вообще-то роман Коновалова словно списан с таких произведений Всеволода Кочетова, как «Журбины, «Братья Ершовы». У Коновалова тоже в центре – история семьи. Крупновы – потомственные волгари. Глава семьи Денис Крупнов прошёл царскую каторгу, Гражданскую войну.

На страницах этого романа о рабочем классе возникают исторические фигуры Гитлера, Риббентропа, Черчилля, Рузвельта. Денис Крупнов вспоминает о своей беседе с Лениным, Матвей Крупнов, профессиональный дипломат, наблюдает работу Тегеранской конференции, а Юрию Крупнову ещё до войны довелось встречаться и беседовать со Сталиным.

С удивлением прочитал я в воспоминаниях Валентина Сорокина о Коновалове, что Коновалов не выдумал эту встречу, он её вспомнил:

«Работая в ЦК КПСС, выпрямился в Кремле перед Сталиным. Сталин предложил bravому Коновалову пост первого секретаря Ростовской области. Бравый Коновалов отказался:

– Что вам мешает? – изумился Сталин.

– Я пишу.

– Пишите?

– Роман пишу.

– Хм, писатель?

– Да, товарищ Сталин, писатель!.. – нажал бравый Коновалов. Сталин помолчал, помолчал и отреагировал:

– Хорошо, пишите. Партия, полагаю, без вас не погибнет?

Но товарищ Сталин приказал: как опубликуется, обязательно прислать Иосифу Виссарионовичу – почитать. И дед послал корифею напечатанные рассказы. Корифей вызвал и кивнул: – Пишите».

Это очень любопытно, потому что нигде в Интернете я не нашёл упоминания о том, что Коновалов работал в ЦК партии. О том, что после Пермского педагогического института Коновалов учился ещё в Институте красной профессуры, есть. Но перед этим он, как сказано, работал на Пермском промышленном комбинате, а после Института красной профессуры перед войной преподавал русскую литературу в Ульяновском педагогическом институте. Стесняются, что ли, указать работу Коновалова в ЦК его биографы?

А стесняться, по-моему, следует не его службы, а его величания писателем. Потому что был он не писателем, а членом Союза писателей, весьма исполнительным, старательно работающим по лекалам руководства. Недаром его «Истоки» так похожи на бездарные и сервильные

романы В. Кочетова. А что остальные его вещи слабее «Истоков» даже самые благожелательные к Коновалову критики признают. Умер 17 апреля 1987 года.

* * *

Игоря Леонидовича Михайлова, о ком известно, что он родился 1 октября 1913 года, но неизвестно какого именно числа и месяца 1995 года скончался, после окончания филологического факультета Ленинградского университета и недолгой работы там преподавателем в 1939 году призвали в армию, присвоили офицерское звание и направили служить в г. Калинин (нынче вернули старое название – Тверь), где, в частности, он сотрудничал в дивизионной газете.

Однажды, ознакомившись с армейской столовой, он написал жалобу в стиле известной эпиграммы Пушкина:

*Полугорох, полусупец,
полуплевки, полупомои —
ещё не рвёт, но я не скрою,
что скоро вырвет наконец.*

Особисты очень заинтересовались такой жалобой. Внедрённый в дивизионную газету стукач донёс, что Михайлов ведёт антисоветские разговоры.

За антисоветскую агитацию его приговорили к трём годам заключения. Работал он на строительстве железной дороге в каторжных условиях: весь день приходилось стоять по колено в болоте. Дошёл до дистрофии. Попал в лазарет, который, по воспоминаниям Михайлова, спас ему жизнь.

В тюрьме, лагерях, ссылке он написал множество произведений – стихов, лагерную трагикомедию «Аська», немало поэм. Не всё из этого наследия сохранилось. Но то, что сохранилось, просто вызывает к цитированию. И я не могу устоять. Вот стихотворение «Ночная баня»:

*Тюремный страж,
суров и озабочен,
стучал ключами, прерывая сон.
Я был разбужен где-то
среди ночи
и почему-то в баню приведён.
Взял шайку. Тепловатая водица
бежит из крана.
Мыла – ни следа.
Я спать хочу.
К чему втолкнули мыться
неведомо зачем меня сюда?
Что за нелепость?
Я ж три дня назад
уже плескался здесь.
Зачем же снова?
Быть может,
был я принят за другого,
и вот распорядились
невпопад?*

Что я ещё
предположить могу?
Фантазии бесчинствовать
не ново.
Минута, две —
и вот в моём мозгу
зловещая концепция готова.
Конечно, баня —
фикция, предлог,
для простачков доверчивых ловушка.
А что? Сейчас вот пулей свалят с ног:
им человеческая жизнь — игрушка!
Наверно, собственную
прыть кляня,
сообразили, гады,
что в итоге
им отвечать
придётся за меня,
вот и надумали
убрать с дороги!
А может,
немцы нас уже бомбят?
Вот и пришло
о нас распоряженье:
списать — и всё!
При вражеском вторженьи
стреляют же в подвалах всех подряд...
Конечно, днём
я счел бы это бредом,
но тёмный бесконечный коридор
с безмолвной тенью,
крадущейся следом,
настроить мог бы
и на худший вздор.
Меня вели, а сердце, холодея,
предчувствовало,
что ни шаг, финал.
Я мысленно просил:
«Скорей, скорее!»,
то ждать переставал,
то снова ждал...
В окне уже ворочалась заря,
и в одиночку
этой ранней ранью
вошёл я с чувством
разочарованья,
что пережил такие муки зря...
Ко мне с разгадкой
через час пришли

*(в тюрьме не информируют заранее):
нас из Калинина
в Москву везли,
положена перед этапом – баня!*

После окончания срока заключения был мобилизован на строительство завода авиационной фанеры. Демобилизован в 1957-м. Переехал в Таганрог, где работал учителем, инспектором РОНО, заведующим отделом газеты «Таганрогская правда».

Вернулся в Ленинград в 1957 году. Занимался профессиональной литературной работой. Выпустил 15 книг собственных стихотворений, 3 книги переводов с коми поэта С. Попова. Переводил украинских и белорусских поэтов.

Собирал материалы о жизни и творчестве Льва Николаевича Гумилёва. Подготовил машинописный двухтомник его произведений.

Но читатели больше всего ценят его тюремные вещи. Особенно популярны трагикомедия «Аська» и «Сказка, скользкая немножко».

Великоваты для цитирования. Так что советую прочитать самим.

* * *

Симон Львович Соловейчик (родился 1 октября 1930) в «Литгазете» был фигурой легендарной и невероятно уважаемой. Он не так часто у нас печатался, но всегда с прекрасными, отточенными по мысли и форме статьями по педагогике. Он был первооткрывателем многих учительских талантов, педагогических школ, направлений. Разумеется, в советских условиях не всякое горячо пропагандируемое им направление, приветствовалось, и не каждый учитель, о котором Сима (так все его звали) писал с обожанием, вызывал те же чувства у тех, кто был приставлен руководить педагогикой.

Я знал его ещё со времён «Семьи и школы», и относились мы друг к другу с ровной приязнью.

Мы встречались даже чаще, чем предполагали. То в ЦДЛ оказывались за общим столом, когда в моей и его компаниях находилось некоторое количество общих знакомых. И тогда нередко разъезжались по домам в одной машине. Соловейчик жил на улице Кондратюка в районе метро «Щербаковская» (теперь – «Алексеевская»), и шофёры охотно брались довезти его до этого дома, возможно, известного им тем, что там жили многие журналисты, особенно из «Комсомолки». А бывало, что мы встречались совсем в неожиданных местах, например, в других городах, куда каждый сам по себе приезжал в командировку. Так однажды мы жили с ним в одной гостинице в Ленинграде. Собирались по вечерам в одном из наших номеров и много душевно беседовали. Историй он знал множество, а слушатель я был благодарный.

Мы перезванивались, читая друг друга. Его замечания по поводу моих статей в «Литературке», как правило, были дельны и по существу. Я поздравил его с одной, на мой взгляд, блестящей статьёй в «Новом мире», которая заканчивалась феноменальным разбором послания Пушкина ребёнку, сыну князя Вяземского. Он был обрадован, сказав, что иные пушкинисты не приняли его анализа, считая, что и не анализ это вовсе, а голая эмоция. Я успокоил его, сославшись на высказывание Тынянова о том, что пушкинисты Пушкина давно уже не читают, они читают друг друга!

А в горбачёвское время Сима вдруг исчез. Потом выяснилось, что его старый товарищ по «Комсомольской правде» Александр Пумпянский, любивший и Соловейчика и работавшую в «Комсомолке» его жену Нину Алахвердову, возглавил журнал «Новое время», зачислил Симу в штат и отправил почти в кругосветное путешествие. Деньги у журнала тогда были немалые, тираж солидный, и многие стали покупать и даже выписывать «Новое время» не только из-за

ярких перестроечных статей, но из-за очерков Соловейчика, которые более-менее регулярно печатались: «Я учусь в английской школе», «Я учусь в американской школе», в мексиканской, в австралийской, в японской, в кенийской – в каких только странах и на каких континентах ни побывал Симон Соловейчик, и сколько разных систем образования он ни описал!

В это время я уже стал заместителем редактора отдела литературы в «Литгазете». Партийность больше не имела ровно никакого значения, и я возглавил отдел русской критики, но впереди отдалённо замаячила возможность иметь собственное дело.

Против подобной перспективы я не устоял. Купил в Госкомпечати красивую лицензию, которая засвидетельствовала, что я становлюсь владельцем журнала «Юный словесник». Я мечтал об издании занимательного литературоведения. И вот – вроде близок к осуществлению своей мечты. Аббревиатура журнала «ЮС» обозначала ещё и букву древнерусского алфавита, точнее – две буквы, и я решил, что юс большой будет сопровождать материалы для старших школьников, а юс малый – для младших. Стал обзванивать знакомых, заказывать им материалы для журнала, все соглашались писать.

Но хорошо, что сгоряча я не ушёл из газеты. Потому что от лицензии на журнал до его выпуска нужно было, как выяснилось, пройти через многие препятствия, заплатив при этом немалые деньги. Хотя и тысяча, которую стоила лицензия, была тогда очень приличной суммой. Ткнувшись в одну юридическую контору, где мне предложили по всем правилам написать устав, в другую, бравшуюся составить бизнес-план, суммировав всё, что мне придётся заплатить одним только юристам, я понял, что у меня не хватит средств ни для оплаты типографских услуг, ни даже для того, чтобы купить бумагу хотя бы на пятитысячный тираж. Коммерсант из меня получался никудышный.

И тогда я задумался о спонсоре. В его поисках я дал интервью о придуманном мною издании нашему отделу информации и журналу «Детская литература». Обширная почта и многочисленные звонки показывали, что моя идея многим пришлась по вкусу. Если такой журнал будет выходить, – говорили или писали многие, – они с удовольствием его выпишут.

Спонсоры не отзывались. Зато отозвался Симон Соловейчик:

– *Что это за журнал ты хочешь выпускать?*

Я объяснил.

– *Дело в том, – сказал мне Симон Львович, – что я начинаю издавать газету «Первое сентября» с множеством предметных приложений. Там будет и «Литература». Ты созвонись с заведующей всеми приложениями Татьяной Ивановной Матвеевой, и думаю, что она всё, что ты уже собрал для своего журнала, у тебя возьмёт.*

– *А как же мой «Юный словесник»?* – спросил я.

– *Ну, пусть пока он называется приложением «Литература», а дальше – видно будет!*

Татьяна Ивановна приняла меня очень любезно, сказала, что может с сегодняшнего дня оформить на ставку консультанта приложения, но что главного, даже двух главных редакторов «Литературы» она уже взяла.

Я согласился. Тем более что время было смутное, и ставка консультанта была даже больше ставки заведующего отдела «Литературной газеты».

Но когда вышел первый, а потом второй пробный номер приложения, я обомлел. Никакой занимательности. Какой-то натужный юмор, типа: «*Однажды Ивану Андреевичу Крылову выпал кусочек сыра*». Мною принесённый материал затерялся в непонятно кому адресованному капустнике. Оба главных редактора – молодые ребята радовались: «*Мы привезли пачку газет в Крупу, их мгновенно разобрали и так ржали, читая!*» (Крупа – это областной пединститут имени Крупской. Теперь он университет.) Я отправился к Матвеевой. «*Пока я – главный редактор всех приложений, – сказала мне она, – никакого литературоведения в «Литературе» не будет. Я этого не допущу*». Очевидно, она предполагала и дальше издавать приложения в виде юмористических капустников.

Я решил уходить.

Но только я это про себя решил, как позвонила секретарь Соловейчика и позвала меня к нему.

– Мне нужен главный редактор «Литературы», – озабоченно сказал Сима.

– У тебя же есть целых два!

– Почитай, – и он протянул мне «Учительскую газету».

Большой коллектив редакторов приложений во главе с Татьяной Ивановной Матвеевой обвинял Симона Львовича Соловейчика в некомпетентности и в неумении уживаться с людьми.

– Мы с тобой часто совпадали, – вспомнил Сима несколько эпизодов, в том числе и тот, как мы в один день с ним получили писательские билеты, – давай совпадать дальше. Но, старик, сроки чудовищно сжатые. Сможешь за неделю не только подобрать команду, но выпустить номер?

– Смогу, – сказал я. – У Матвеевой лежит готовый номер по Горькому, который я собрал.

– А из «Литературки» можешь не уходить, – сказал Соловейчик. – Работай у меня по договору. Впрочем, действуй, как тебе будет удобней.

У него я проработал до самой его смерти – 18 октября 1996 года. И потом ещё девять лет.

Мне очень нравится его книга «Учение с увлечением». Нравится, начиная с самого названия: без увлечения учение превращается в мучение. Поэтому я ценил работы своего старшего товарища, понявшего такую простую и такую почему-то недоступную чиновникам от образования истину.

Есть такое понятие: душеполезное чтение. Вот к нему и относятся работы Симона Львовича, любившего детей, знавшего детскую психологию, умевшего передать другим педагогам свою страсть: учить с увлечением!

2 ОКТЯБРЯ

С творчеством Сергея Сергеевича Заяицкого (родился 2 октября 1893 года) меня познакомил Сергей Дмитренко, работавший моим заместителем в газете «Литература», которую я тогда возглавлял. Дмитренко вообще очень начитанный человек. Я благодарен ему за приобщение к этому талантливому писателю.

Бликий приятель Булгакова, Заяицкий тоже показывал абсурд окружавшей его советской жизни. Тоже прекрасно владел языком, юмором, умением описывать фарсовые ситуации. И при этом нисколько не походил на Булгакова. Работал в другом – небулгаковском – жанре трагикомедии.

Своему «Жизнеописанию Степана Александровича Лососинова» (1928) он ставит подзаголовок «трагикомическое сочинение». Эпитетом «трагикомический» обозначены некоторые его рассказы. Но даже если бы и не было этих авторских подсказок в определении любимого жанра Заяицкого, мы бы не ошиблись: привычные понятия в его творчестве часто отказываются быть привычными, становясь необычными.

Подобный художественный приём он демонстрировал ещё в ранних своих стихах:

*Что задумался? – Вино
В кубке искрится и блещет,
Посмотри лишь, как оно
На огне огнём трепещет.
Ты задумался о ней,
О, патриций благородный?
Об огне её очей,
Речи лёгкой и свободной?
Не грусти – любовь пройдёт,
И в вине огня довольно,
И вино не хуже жжёт,
Только сладко, а не больно!*

Здесь Заяицкому 17 лет. Для юноши такое осмысление любви странно. Тем более фактическая её дезавуация: убеждённость в том, что «любовь пройдёт», призыв пренебречь ею ради того, что тоже «жжёт, только сладко, а не больно!».

Разумеется, говоря о трагикомедии, я не имею в виду детские вещи Заяицкого, которого некогда известный критик Я. Рыкачёв точно назвал «Ричардсоном русской литературы для подрастающего поколения». И в самом деле – «Морской волчонок», «Африканский гость», «Вместо матери», «Найденная», «Внук золотого короля», «Шестьдесят братьев», «Псы господни», «Великий перевал», «Рассказы старого матроса», – это, с одной стороны, приключенческие реалистические книги, но с другой – их добродетельный герой действительно родственен классицистическому Грандисону – главному персонажу Ричардсона.

Его увлекательные пьесы для детей «Робин Гуд» и «Стрелок Телль» с успехом шли (кажется, идут и сейчас) в Центральном детском театре.

Заяицкий знал языки и переводил много и с удовольствием. Особенно Джека Лондона.

Но главным в его наследии остаются сатирические вещи: «Баклажаны», «Земля без солнца», уже названное «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова», «трагикомические рассказы» («Женитьба Мечтателя», «Жуткое отгулье», «Любопытные сюжетцы», «Письмо», «Судьбе загадка», «Человек без площади»). Блистательным оказался и роман-пародия «Красавица с острова Люли», напечатанный Заяицким под псевдонимом Пьер Дюмель.

Не случайно С. Заяицкого сближали не только с М. Булгаковым, но и с М. Зощенко и с П. Романовым.

Он умер рано – 21 мая 1930 года. И некролог, напечатанный в «Литературной газете», подытожил: *«Он нёс в себе поучительную волю к жизни, любовь к ней. В его взгляде на бытие светился тонкий ум, глубокий юмор, пленяющий нас в каждом его произведении. Товарищи по литературе мало встречались с Заяицким не потому, что он был нелюдим. Наоборот, он был общителен, умел быть блестящим собеседником, отличным товарищем. Но тяжкая болезнь – костный туберкулёз – вывела его из строя».*

* * *

Предваряя роман Сергея Крутилина «Липяги», Сергей Залыгин писал: *«Не всякому свойственна любовь к небольшому русскому селению, самому обыкновенному и неприметному. Но тот, кому любовь эта не чужда, будет волноваться, читая «Липяги», будет задумываться, будет вспоминать прошлое и мечтать о будущем. И ещё – будет жалеть тех, кому всё это безразлично».*

«Липяги» – самая известная вещь Сергея Андреевича Крутилина (родился 2 октября 1921). За неё он получил госпремию РСФСР им. Горького.

Хотя, на мой взгляд, этому роману не хватает композиционной цельности. Написанный в форме записок сельского учителя, он состоит из 15 таких «записок» – 15 самостоятельных глав, композиционно перемещающихся с места на место в разных изданиях. Деревню Крутилин знал, её проблемы тоже. И всё же, если и стоило, по выражению Залыгина, «волноваться», читая «Липяги», то по поводу того, что уж очень робко касался писатель больших сторон тогдашнего деревенского колхозного строя.

Остальные вещи Крутилина (а их немало: хватило на трёхтомное собрание сочинений) «Липягам» уступают. Не потому ли, что во многих своих вещах писатель был больше всего озабочен тем, чтобы показать положительную роль партийного руководства селом? Умер Крутилин 28 февраля 1985 года.

* * *

Павел Фёдорович Нилин писательскую известность приобрёл благодаря написанным в 1956 году повестям «Испытательный срок» и «Жестокость». Созвучные времени хрущёвской оттепели, они оказались созвучными любому времени, ибо вопрос о предосудительности скоропалительного осуждения человека и предпочтительности понимания его вечно актуален.

Но в дело по разоблачению нечеловеческих сталинских норм жизни повести Нилина вносили свою весомую лепту. Написанные хорошим языком, композиционно гармонические, с психологически мотивированными характерами героев и их поступков, они полюбились многим.

А кинематографическую известность Павел Нилин приобрёл ещё раньше.

Его сценарий двухсерийного кинофильма «Большая жизнь» стал очень заметным явлением. За сценарий фильма 1 серии он отмечен сталинской премией. А по поводу 2 серии было принято знаменитое постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года.

Вот небольшая выдержка из него:

«В фильме «Большая жизнь» дано фальшивое, искажённое изображение советских людей. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, показаны отсталыми и малокультурными людьми, с очень низкими моральными качествами. Большую часть своего времени герои фильма бездельничают, занимаются пустопорожней болтовней и пьянством. Самые лучшие по замыслу фильма люди являются непробудными пьяницами. В качестве основных

героев фильма фигурируют люди, служившие в немецкой полиции. В фильме изображён явно чуждый советскому строю тип (Усынин), остававшийся при немцах в Донбассе, разлагающая и провокационная деятельность которого остаётся безнаказанной. Фильм наделяет советских людей нравами, совершенно не свойственными нашему обществу. Так, красноармейцы, раненные в сражении за освобождение шахты, оставлены без всякой помощи на поле боя, а жена шахтёра (Соня), проходящая мимо раненых бойцов, проявляет полное равнодушие и безразличие к ним. В фильме изображено бездушно-издевательское отношение к молодым работницам, приехавшим в Донбасс. Работниц вселили в грязный, полуразрушенный барак и отдают на попечение отъявленному бюрократу и негодяю (Усынину). Руководители шахты не проявляют элементарной заботы о работницах. Вместо того, чтобы привести в порядок сырое, протекающее от дождя помещение, в котором были размещены девушки, к ним, как бы в издёвку, посылаются увеселители с гармошкой и гитарой».

Понятен и зубодробительный вывод:

«ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Ввиду изложенного выпуск на экран второй серии фильма «Большая жизнь» запретить.

2. Предложить Министерству кинематографии СССР и Художественному совету при министерстве извлечь необходимые уроки и выводы из решения ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» и организовать работу художественной кинематографии таким образом, чтобы впредь была исключена всякая возможность выпуска подобных фильмов».

Вообще сценарий фильма «Большая жизнь» писался на основе сюжета первой книги Нилина «Человек идёт в гору. Очерки обыкновенной жизни», которая вышла ещё в 1936 году. Шахтёры описывались, как было принято в то время, героями пятилетки, ударниками труда. Книга отличалась добротностью стиля, и потому у кинематографического начальства и сомнения не возникло в необходимости её экранизации.

Первая серия показала безошибочность выбора. Но вторая...

А со второй получилось так, что она вышла в первый год после войны, когда не оправившаяся от горестной действительности страна только начала залечивать раны. Ей это плохо удавалось ещё и в связи с неурожаем 1946 года, заставившим голодать вернувшихся с войны фронтовиков.

К этому нужно прибавить, что прошедшие по Европе солдаты видели, как жили там люди и, разумеется, надеялись, что, победив, они будут жить не хуже.

Выйди вторая серия фильма, как и первая, до войны, наверняка никакой критики бы не было. Сужу по тому, что видел её в 1958 году, когда она вышла на экраны.

Но после войны Сталину и его руководству нужны были фильмы преувеличенно положительные. Всё – в самых радужных тонах. Колхоз – процветающий, завод – перевыполняющий – аж дух захватывает! – какие планы. Люди – не просто довольные своей жизнью, но всё от неё взявшие и претендующие на излишки!

Потому и посыпались удары по талантливым художникам, которые обязаны были служить своим талантом диктаторским прихотям.

Долго продолжалась кампания по избиению фильма, а значит – и режиссёра и сценариста.

Что это Нилина не сломило, доказали две повести, о которых я написал вначале. По их мотивам, кстати, поставлены были хорошие фильмы.

Ну, а дальше повесть «Через кладбище» (1962) – о белорусских партизанах, рассказы «Дурь» (1973), «Впервые замужем» (1978) – вполне доброкачественная проза.

Умер Павел Фёдорович 2 октября 1981 года (родился 16 января 1908-го).

* * *

Братья Туры не были братьями по крови. Одного звали Леонидом Давидовичем Тубельским. Другого – Петром Львовичем Рыжеем. Когда решили стать соавторами, взяли себе этот псевдоним. Говорят, что каждый дал по своей первой букве, а в середину поставили для благозвучности «у». Но мне думается, что «Тур» составлен из двух первых букв фамилии Тубельский и первой буквы фамилии Рыжей.

Так или иначе, но братья настолько привыкли к новой своей фамилии, что когда 14 февраля 1961 года умер Леонид Давидович (родился 11 апреля 1905-го), Пётр Львович взял в соавторы жену, и они подписывали свои произведения Ариадна и Пётр Тур.

Пётр Львович Тур вместе с названным братом считаются классиками советской приключенческой драматургии. По их пьесе «Очная ставка» (совместно с Л. Шейниным) снят фильм «Ошибка инженера Кочина» (1939). Дальше последовали «Дым отечества» (1943), «Софья Ковалевская» (1943), «Губернатор провинции» (1947; на основе этой пьесы снят фильм «Встреча на Эльбе»), ну, и, как говорится, так далее. Всего они написали 9 пьес. В 1944 году совместно с Л. Шейниным написали сценарий фильма «Поединок», в 1946-м – фильма «Беспокойное хозяйство», в 1949 вместе с Л. Шейниным – фильма «Встреча на Эльбе», за что получили сталинскую премию 1-й степени. Сценарий фильма «Испытание верности» они написали вместе с режиссёром фильма И. Пырьевым в 1954-м. И ещё два сценария – фильма «Софья Ковалевская» (1956) и фильма «Золотой эшелон».

Оставшись после смерти Леонида Давидовича без соавтора, Пётр Львович, как я сказал, стал писать вместе с женой. Их пьесы «Единственный свидетель» и «Чрезвычайный посол» были поставлены на сцене МХАТа. На основе «Чрезвычайного посла» они написали сценарий фильма «Посол Советского Союза», поставленный Г. Натансоном с актёрским составом МХАТа.

Пётр Львович скончался 2 октября 1978 года (родился 24 января 1908-го).

* * *

Николай Трофимович Федоренко производил впечатление вельможи: бархатный пиджак, отутюженные в стрелку брюки, какие-нибудь совсем немислимые штиблеты. На каждой его вещи, даже на портфеле так и виделась бирка «Made in... где-нибудь, но только не у нас». Что и понятно. Николай Трофимович одно время не вылезал из-за границы. Работал в министерстве иностранных дел. Имел с 1954 года ранг Чрезвычайного и Полномочного посла (по мидовским понятиям – маршалский). В 1955–1958 годах был замом министра иностранных дел. Затем четыре года – посол в Японии. Потом с 1963 по 1968 – постоянный представитель СССР при ООН и представитель СССР в Совете Безопасности. Вот только после этого его бросают на литературу.

Он начинал с брошюрок о китайских писателях: «Лауреат Международной Сталинской премии мира Го-мо-жо» (1952), «Великий китайский писатель Лу Синь» (1953). Они выходили 150-тысячным тиражом и, как я догадываюсь, оседали на сельских прилавках и пылились на библиотечных стеллажах. Но потом Николай Трофимович стал входить во вкус: «Дипломатические записи» (1972), «Меткость слова: Афористика как жанр словесного искусства» (1975), «Литературные записи» (1980), «Морские записи» (1984), «Мысль и образ. Литературно-критические статьи» (1985). Вполне достаточно, чтобы стать членом Союза писателей. Разумеется, он им стал.

А после того, как в 1970 году возглавил журнал «Иностранная литература», через год стал и секретарём Союза писателей СССР. А членом-корреспондентом Академии наук СССР

Николай Фёдорович стал ещё в 1958 году за свои книжки о китайских писателях, которые посчитали вкладом в науку.

Причём не только у нас в стране. Николай Тимофеевич, когда был послом в Японии, получил там степень почётного члена Института китаеведения в Токио, а в 1975 году стал почётным академиком флорентийской академии искусств.

Почему-то вспоминается Юз Алешковский: «Товарищ Сталин, вы большой учёный...» Тем более что Сталина Федоренко видел. Был его синхронным переводчиком во время переговоров с Мао Цзедунем.

Большой учёный и большой писатель Николай Тимофеевич скончался 2 октября 2000 года (родился 9 ноября 1912 года).

* * *

Эти книги мне, школьнику, предлагали в нашей дворовой библиотеке, куда я записался, как только выучился читать. «Поджигатели» я прочитал быстро. «Понравилось?» – «Понравилось» – «Ну, возьми «Заговорщики».

Я брал. «Заговорщики» мне нравились меньше. По правде сказать, я забыл, о чём они. Кажется, действие там происходит то ли во время войны, то ли после. А вот «Поджигателей» запомнил. Время предвоенное. Любопытно было читать, как троцкисты с немецкими фашистами снюхались. И как американцы с немцами. Как все нас ненавидели, кроме немецких коммунистов.

Уже потом, через много лет я узнал, что Николай Николаевич Шпанов, родившийся 22 июня 1896 года, написал не только этих толстенных «Поджигателей» и «Заговорщиков», что он после того, как написал массу брошюр и книг об авиации, где служил, перешёл на художественную литературу и почти сразу прославился: написал роман «Первый удар» (1939), рассказывающий о том, как поразит наша авиация врага на его территории в случае, если он на нас нападёт. Популярным был и фильм «Глубокий рейд», созданный на основе этого романа. Шпанов написал много, очень много книг. И большинство их после смерти Сталина оказались ненужными. А кому они были бы нужны, если писал Шпанов по колодкам нашего Агитпропа: там и Тито действует по заданию ЦРУ, и Трайчо Костов, Ласло Райк и другие, которых приговаривают к смерти за шпионаж против нас. Сталин наградил Шпанова сталинской премией. И всё оказалось коту под хвост! И тогда Шпанов, которого печатали далеко не так охотно, как при Сталине, стал сочинять цикл про сыщика Нила Кручинина.

Эти книги вроде печатали для детей, говорят, что они занимательны, но я не знаю ни одного человека, кто бы их прочитал.

Как ни старался Шпанов (а работал он по-прежнему очень много), его известность не возродилась. Его забыли настолько, что когда после 2 октября 1961 года – дня его смерти гроб установили в ЦДЛ, на прощание с ним не пришёл никто. Кроме ответственного за ритуальный церемониал работника Литфонда. Он и постоял у гроба.

* * *

Василий Макарович Шукшин был невероятно одарённым человеком. Это был условно великий актёр, великий кинорежиссёр и талантливейший новеллист.

Единственно, что ему не удавалось, – это большие литературные формы.

Горько, что умер он 2 октября 1974 года 45 лет (родился 25 июля 1929 года) от старой русской болезни, которая и сделала смертельной его язву желудка.

Оставил после себя великолепные рассказы.

3 ОКТЯБРЯ

Когда-то в «Литературную газету» ко мне ходил милейший человек – Виталий Александрович Вдовин. Он серьёзно занимался Есениным, очень любил его поэзию.

Однажды мы заговорили о «Чёрном человеке».

– *Как вы понимаете эти строки: «Голова моя машет ушами, как крыльями птица. Ей на шее ноги маячат большие невмочь»?* – спросил меня Вдовин.

– *Никак не понимаю,* – ответил я. – *При всей причудливости и мажинизма, при всей причудливости и мажинистских образов Есенина, «шея ноги» – полная бессмыслица.*

– *И я так считаю,* – сказал Виталий Александрович. – *Я смотрел рукопись. И, кажется, разгадал загадку.*

Он вытащил фотографии.

– *Вот обратите внимание. Видите, как написан «Чёрный человек» – смотрите на второе «ч» – строчное. Или вот ещё: «Спать не даёт мне всю ночь» – видите строчное «ч»?*

– *Вижу,* – заинтересованно сказал я.

– *А теперь посмотрите здесь: «нагоняя на душу тоску и страх». Обратите внимание на строчное «г». Или в этом месте как оно написано: «Это ничего, что много мук» – два строчных «г».*

– *Так вы думаете,* – начал я, обрадованной его догадкой.

– *Да, думаю. Он ведь «г» и «ч» пишет почти одинаково. Иногда не отличишь. Нет у Есенина этой глупой «шеи ноги». Стих должен читаться в соответствии с контекстом: «ей на шее ночи маячат большие невмочь». «нОчи», понимаете? С ударением на первом слоге. И понятно, почему «невмочь»: бессонница, ведущая к галлюцинациям.*

– *Вы об этом написали?* – спросил я взволнованно.

– *Собираюсь,* – ответил Вдовин. – *Да где это печатать? В «ЛитРоссии» у меня лежит уже статья. К Прокушеву я больше никогда не пойду за помощью.*

– *Почему?* – спрашиваю.

– *А потому что он тебя прочтёт и скажет: «Что же тут нового. У меня как раз об этом статейка в «Огоньке» идёт». И точно. Через некоторое время смотришь: мои наспех переписанные мысли. Он жулик.*

– *Попробую узнать у Кривицкого,* – сказал я. – *Может, мы заинтересуемся.*

Но Евгений Алексеевич Кривицкий, зам главного редактора, сказал: «*Это слишком серьёзно, чтобы об этом говорил дилетант. Ах, не дилетант? Тогда почему я о нём ничего не знаю? Он что – кандидат, доктор? Ну, что значит: убедителен? Пусть идёт с этим в литературоведческое издание. Напечатают – можем одобрить. Или поспорить. Но первыми начинать не будем. Имажинисты и не такое вкручивали!*»

Увы, Вдовина я почему-то больше не видел. Знаю, что он всё-таки сумел напечатать свою абсолютно логичную версию. Судя по последующим изданиям, к нему не прислушались. Везде стоит «шея ноги».

А ведь прав Вдовин! «*Голова моя машет ушами, как крыльями птица*». В полёте у птицы крылья выпрямлены. Она машет ими, прежде чем сесть на землю. Машет – подаёт знак: крылья устали, сейчас она сядет и их сложит. «*Ей на шее ночи маячат большие невмочь*» – трудно держать голову, хочется преклонить её, лечь на подушку. Хочется уснуть, но мешает чёрный человек – видение, порождённое бессонницей, мешает бессонница, будоражащая психику такими видениями и переданная звукописью на «ч»: ноЧи-маяЧить-НевмоЧь.

В последнем по времени семитомном собрании сочинений в комментарии Громо-вой-Опульской читаем: «В процессе подготовки настоящего издания было проведено специальное текстологическое исследование белого автографа поэмы и установлено, что в ст. 10

написано «г», а не «ч»: «...букву «г» Есенин писал так, что ее можно читать и как «г», и как «ч»; а вот «ч» везде такое, что его нельзя спутать с «г». Стало быть, здесь не «ч». А если так, остается одно: «Ей на шее ноги».

Но ведь ясно, что специальное текстологическое исследование ошибочно: «Шея ноги» – бессмысленный и уродливый образ. Стало быть, оставаться она не может. Мешает восприятию стихотворения.

Мне думается, что в день рождения Есенина (родился он 3 октября 1895 года, умер 28 декабря 1925-го) очень уместно поднять вопрос о смысле и точности его метафоры. Обращаюсь к издателям: выправите по-вдовински строчку. И объясните в примечаниях, что нелепая «шея ноги» появилась вследствие плохо различимого отличия в написании Есениным букв «г» и «ч» (которое можно-таки спутать с «г»). И сошлитесь на Вдовина или на эту заметку, где я воссоздаю замечательное прочтение есенинского стиха любителем поэта Виталием Александровичем Вдовиным.

* * *

«Время не приняло Вагинова даже как «отрицательного» героя. Не только рабоче-крестьянский, но и читатель «своего лагеря» зачастую видел в нём совсем не то, что открывалось сегодня нам. Мы, оторванные от тогдашних реалий, иначе оценим его самоотверженное и провидческое пренебрежение к разнообразию политических страстей: оказалось, что эта легкомысленная, высокомерная позиция – одна из немногих, не уничтоженных многоступенчатой переоценкой ценностей. Нам ретроспективно интересен вагиновский стиль, который при нормальном развитии литературы породил бы, возможно, целое течение. У нас вызывает зависть его свобода и самостоятельность в обращении с поэтической формой. Нам, вооруженным последними новостями из истории взаимоотношений искусства с действительностью, близки изыскания Кости Ротикова, первооткрывателя науки о китче, и дотошность Торопуло, регистрирующего жизнь огромной страны с помощью коллекции конфетных оберток. Виднее нам и трагедия вагиновского поколения, до главных актов которой он, к счастью, не дожил.

Блудный сын эпохи, Вагинов перебирал её смешные, уродливые, милые мелочи с ностальгией, непонятной современникам, но такой близкой потомкам, которым уже не вернуться на покинутую дедами метафизическую родину. Он, не захотевший писать эпоху такой, какой она хотела казаться, увидел в ней вечное, неподвластное воле тех, кто претендовал на роль её творцов и хозяев. Культура стояла за его плечами, на его стороне».

Я сознательно начинаю разговор о Константине Константиновиче Вагинове, родившегося 3 октября 1889 года (умер 26 апреля 1934-го), с апологетики – с цитаты из статьи благожелательнейшего к писателю критика Анны Герасимовой.

В отличие от Анны Герасимовой у меня не вызывает зависти свобода и самостоятельность Вагинова в обращении с поэтической формой. Вагинов очень характерно назвал одну из своих книг: «Опыты соединения слов посредством ритма». Да, он выдерживал определённый ритм, соединяя слова: *«В пернатых облаках всё те же струны славы / Амуров рой. Но пот холодных глаз, / И пальцы помнят землю, смех и травы, / И серп зелёный у берегов дубрав. / Умолкнул гул, повеяло прохладой, / Темнее ночи и желтей вина / Проклятый бог сухой и злой Эллады / На пристани остановил меня»* (июль 1921). Или вот: *«Перевернул глаза и осмотрелся: / Внутри меня такой же чёрный снег, / Сутулая спина бескрылой птицей бьётся / В груди моей дрожит и липнет свет. / И, освещённый весь, иду я в дом знакомый, / И, грудью плоскою облокотясь о стол, / Я ритмы меряю, выслушиваю звоны, / И муза голая мне руку подаёт»*. Или то, что называется «Психея»: *«Спит брачный пир в просторном мёртвом граде, / И узкое лицо целует Филострат. / За ней весна свои цветы колышет, / За ним заря, растущая*

*заря. / И снится им обоим, что приплыли / Хоть на плотах сквозь бурю и войну, / На ложе
брачное под сению густою, / В спокойный дом на берегах Невы».*

Убейте меня, но подобный модернизм я считать искусством отказываюсь. Что же это за искусство, когда нужно долго и почти озадаченно всматриваться в текст, чтобы понять, о чём он? И дело тут не в установке самого Вагинова на хорошее знание античности, которого он ждёт от своего читателя. Ну, допустим, что читатель знает: Психея – это душа, а софистов Филостратов в древней Греции было несколько. Допустим, что такое знание несколько добавит конкретности студёнистому тексту. Но ведь смысл искусства в сопричастности, в сопереживании художнику. А чему здесь сопереживать? Холодному опыту такого соединения слов, какое затуманивает смысл?

Понимаю, что мне могут указать на Мандельштама, на его Психею-жизнь, которая *«спускается к теням / В полупрозрачный лес вослед за Персефоной»*. Но я не о знании античности, которого требует поэт от читателя. В конце концов, вполне достаточно, как это и делают комментаторы, в сноске пояснить, что Персефона – древнегреческая богиня плодородия и царства мёртвых. Я о том, что читателю Мандельштама не нужно продираться к смыслу стихотворения о человеческой душе, покидающий этот мир, чтобы жить в ином.

Проза Вагинова, на мой взгляд, лучше его стихов. И всё же «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бомбочада» – все эти романы местами так же заумны, как его стихи.

Для меня творчество Вагинова экспериментально. Как поэзия Хлебникова. Или как проза Андрея Белого.

* * *

Нина Михайловна Демурова (родилась 3 октября 1930 года) много сделала для того, чтобы приобщить русского читателя к прекрасным английским книгам. Она перевела «Питер Пэна» Дж. Барри, «Лиловый парик» и «Грехи графа Сарадина» Г.К. Честертон, «Похищенное письмо», «Длинный ларь», «Элеонору», «Человека, которого изрубили в куски» Э. По, «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа» Ч. Диккенса. Перевела Э. Бёрнетт, А. Гарнера, Апдайка и многих других.

Главным её переводом считается «Приключения Алисы в стране чудес» и «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла. Именно её перевод помещен в серии «Литературные памятники». Мне объяснили, почему Демуровой – с научной точки зрения, он является самым точным.

И всё же мне думается, что затмить перевод Заходера Демурова не смогла. Пусть Заходер добавляет отсебятины, но она в духе весёлой игровой манеры Кэрролла. И стихи, переведённые в книге Заходером, веселее, чем у тех авторов, которых Демурова сделала соучастниками своих книг – Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой.

А вот её книга «Льюис Кэрролл», вышедшая в ЖЗЛ, действительно недурна.

* * *

Когда я учился в университете, купил книгу большого формата с гравюрами модного тогда художника С. Красаускаса. Книга называлась «Человек». Она уже была удостоена ленинской премии.

Её автор Эдуардас Межелайтис, родившийся 3 октября 1919 года (умер 6 июня 1997-го). Стихи в книге были переведены известными русскими поэтами А. Межировым, М. Алигер, Л. Мартыновым, В. Тушиновой, М. Светловым, Б. Слуцким, В. Корниловым, С. Куняевым.

По правде сказать, я не уловил лирический характер Э. Межелайтиса. И, наверное, не потому, что переводчики были разными. А потому, что книга была поэтической только по форме. Она была рифмованной публицистикой в духе Маяковского, но не в его поэтике.

Стихи Межелайтиса очень хвалила советская критика. Через несколько лет я окажусь в Литве, и мне там назовут самого издаваемого поэта – Э. Межелайтиса. «А самого любимого?» – спрошу я. И услышу: «Казис Борута».

Мне объяснят, что сравнивать этих двух поэтов не стоит. Потому что Борута писал стихи, а Межелайтис – стихотворные плакаты.

А потом я узнаю, что Межелайтис ещё до нашей оккупации Литвы был в подпольной комсомольской организации. Во время войны был корреспондентом фронтовой газеты. В 1944-м избран секретарём ЦК комсомола Литвы. Тяжёлая номенклатурная должность, если учесть, что Литва совсем недолго до войны была под нашей оккупацией. В 1946-м редактор комсомольского журнала. А потом секретарь правления Союза писателей Литвы, председатель правления. И уже с 1960 года – член ЦК литовской компартии.

Не удивительно, что он – лауреат ленинской премии, герой соцтруда и Народный поэт Литвы. Выслужил.

* * *

Дмитрий Петрович Ознобишин, родившийся 3 октября 1804 года (умер 14 августа 1877-го), был членом литературного кружка С. Раича и вместе с Раичем издавал альманах «Северная лира». Знал восточные языки. Первым перевёл на русский Хафиза, Низами, Саади. Составил первый персидско-русский словарь. Свои работы на восточную тематику печатал по псевдонимом «Делибюрадер» (видоизменённое персидское «Дел-е берадар» – «сердце брата»).

Он автор стихотворения «Чудная бандура», которое легло в основу известной народной песни «По Дону гуляет казак молодой».

Вот эта «Чудная бандура»:

*Гуляет по Дону казак молодой;
Льёт слезы девица над быстрой рекой.
«О чём ты льёшь слёзы из карих очей?
О добром коне ли, о сбруе ль моей?
О том ли грустишь ты, что, крепко любя,
Я, милая сердцу, просватал тебя?»
«Не жаль мне ни сбруи, не жаль мне коня!
С тобой обручили охотой меня!»
«Родной ли, отца ли, сестёр тебе жаль?
Иль милого брата? Пугает ли даль?»
«С отцом и родимой мне век не пробыть;
С тобой и далече мне весело жить!
Грущу я, что скоро мой локон златой
Дон быстрый покроет холодной волной.
Когда я ребёнком беспечным была,
Смеясь, мою руку цыганка взяла.
И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: утонешь в день свадебный свой!»
«Не верь ей, друг милый, я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть в тысячу вёрст;
Поедешь к венцу ты – я конников дам:*

*Вперёд будет двадцать и сто по бокам».
Вот двинулся поезд. Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят;
Но конь под невестой, споткнувшись, упал,
И Дон её принял в клубящийся вал...
«Скорее бандуру звончатую мне!
Размыкаю горе на быстрой волне!»
Лад первый он тихо и робко берёт...
Хохочет русалка сквозь пенистых вод.
Но в струны смелее ударил он раз...
Вдруг брызнули слёзы русалки из глаз,
И молит: «Златым не касайся струнам,
Невесту младую назад я отдам.
Хотели казачку назвать мы сестрой
За карие очи, за локон златой».*

* * *

После окончания факультета славянской филологии Петербургского (Петроградского) университета в 1918 году Степан Григорьевич Бархударов по представлению академика А.А. Шахматова был оставлен в университете при кафедре русского языка.

В 1938 году в соавторстве с Е.И. Досычевой создаёт «Граматику русского языка (учебник для неполной и средней школы)», которая на конкурсе учебников была признана лучшей.

В 1944 году под тем же названием «Грамматика русского языка» выходит учебник С.Г. Бархударова под редакцией Л.В. Щербы. Этот учебник выдержал 14 изданий. В течение всей жизни Бархударов активно участвовал в подготовке последующих изданий в соавторстве с С.Е. Крючковым, Л.Ю. Максимовым и моим университетским учителем Л.А. Чешко, который, в своих лекциях всегда отдавал должное Степану Григорьевичу.

В 1946 году избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

За издание 17-томного Словаря Современного русского языка (1948–1965) удостоен ленинской премии.

Его Орфографический словарь русского языка, составленный совместно с С.И. Ожеговым и А.Б. Шапиро, насчитывает 104 тысячи слов и стоит на полке у любого занимающегося русским языком лингвиста.

Степан Григорьевич Бархударов умер 3 октября 1983 года. Родился 7 марта 1894 года.

* * *

27 февраля 1951 года в «Комсомольской правде» появляется статья «Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?», автор которой немедленно становится всесоюзно известен. Некоторое время его имя – Михаил Бубеннов на устах у литераторов. Вот, в частности, что он писал в своей статье:

«Любители псевдонимов всегда пытаются подыскать оправдание своей странной склонности.

Одни говорят: «Я не могу подписываться своей фамилией, у меня много однофамильцев». Однако всем нам известно, что в русской литературе трое Толстых, и их всех знают и не путают!

Другой восклицает: «Помилуйте, но я беру псевдоним только потому, что моя фамилия трудно произносится и плохо запоминается читателями». Однако всем понятно: создавай хорошие произведения – и читатели запомнят твоё имя! (Конечно, у нас ещё встречаются неблагозвучные и даже оскорбительные фамилии – когда-то бары давали их своим рабам. Такие фамилии просто надо менять в установленном порядке). Словом, оправданий много [...]

Почему мы ставим вопрос о том, нужны ли сейчас литературные псевдонимы?

Не только потому, что эта литературная традиция, как и многие подобные ей, отжила свой век. В советских условиях она иногда наносит нам даже серьёзный вред. Нередко за псевдонимами прячутся люди, которые антиобщественно смотрят на литературное дело и не хотят, чтобы народ знал их подлинные имена. Не секрет, что псевдонимами очень охотно пользовались космополиты в литературе. Не секрет, что и сейчас для отдельных околотитературных типов и халтурищиков псевдонимы служат средством маскировки и помогают им заниматься всевозможными злоупотреблениями и махинациями в печати. Они зачастую выступают одновременно под разными псевдонимами или часто меняют их, всячески запутывая свои грязные следы. Есть случаи, когда такие тёмные личности в одной газете хвалят какое-нибудь произведение, а в другой через неделю охаивают его».

6 марта 1951 года в «Литературной газете» появляется статья «Об одной заметке». Она заканчивалась так:

*«Говоря о неблагозвучных фамилиях, Бубеннов пишет, что **«такие фамилии просто надо менять в установленном порядке»**. Во-первых, благозвучие фамилий – дело вкуса, а во-вторых, непонятно, зачем, скажем, драматургу Погодину, фамилия которого по паспорту Стукалов, вдруг менять эту фамилию в установленном порядке, когда он, не спросив у Бубеннова, ограничился тем, что избрал себе псевдоним «Погодин», и это положение более двадцати лет вполне устраивает читателей и зрителей. **«Любители псевдонимов, – пишет Бубеннов, – всегда пытаются подыскать оправдание своей странной склонности»**. Непонятно, о каких оправданиях говорит здесь Бубеннов, ибо никто и ни в чём вовсе и не собирается перед ним оправдываться.*

А если уж кому и надо теперь подыскивать оправдания, то разве только самому Михаилу Бубеннову, напечатавшему неверную по существу и крикливую по форме заметку, в которой есть оттенок зазнайского стремления поучать всех и вся, не дав себе труда разобраться самому в существе вопроса. Жаль, когда такой оттенок появляется у молодого, талантливого писателя.

Что же касается вопроса о халтурищиках, который Бубеннов попутно затронул в своей заметке, то и тут, вопреки мнению Бубеннова, литературные псевдонимы ни при чём. Халтурность той или иной проникшей в печать статьи или заметки определяется не тем, как она подписана – псевдонимом или фамилией, – а тем, как она написана, и появляются халтурные статьи и заметки не в результате существования псевдонимов, а в результате нетребовательности редакций.

Константин Симонов (Кирилл Михайлович Симонов)».

Но на этом дискуссия не закончилась. В «Комсомолке» 8 марта выступил Шолохов, горячо вступившийся за Бубеннова: «В конце концов, правильно сказано в статье Бубеннова и о том, что известное наличие свежееиспеченных обладателей псевдонимов порождает в литературной среде безответственность и безнаказанность. Околотитературные деятели и «жучки», легко меняющие в год по пять псевдонимов и с такой же поразительной лёгкостью, в случае неудачи, меняющие профессию литератора на профессию скорняка или часовых дел мастера, – наносят литературе огромный вред, развращая нашу здоровую молодёжь, широким потоком вливающуюся в русло могучей советской литературы».

«Кого защищает Симонов? Что он защищает? Сразу и не поймём, – заканчивает свою статью, которую назвал «С опущенным забралом...». «Спорить надо, честно и прямо глядя

противнику в глаза, пишет Шолохов. – Но Симонов косит глазами. Он опустил забрало и наглухо затянул на подбородке ремни. Потому и невнятна его речь, потому и не найдёт она сочувственного отклика среди читателей».

«Не хотел бы учиться у Шолохова только одному – той грубости, тем странным попыткам ошельмовать другого писателя, которые обнаружились в этой его вдруг написанной по частному поводу заметке после пяти лет его полного молчания при обсуждении всех самых насущных проблем литературы, – отвечает Симонов в «Литературке» 10 марта. – Моё глубокое уважение к таланту Шолохова таково, что, признаюсь, я в первую минуту усомнился в его подписи под этой неверной по существу и оскорбительно грубой по форме заметкой. Мне глубоко жаль, что эта подпись там стоит».

Михаил Семёнович Бубеннов, как видим, мощно продвинул вперёд кампанию, которая позже получила название борьбы с космополитизмом. Ведь было известно, что чаще всего брали псевдонимы писатели евреи. Но не для того, чтобы скрыть свою национальность. После революции было привычно говорить об ассимиляции. Хотелось, укореняясь в быт страны, которую ты ощущаешь родиной, причаститься к этому быту и новой фамилией: Светлов, Безыменский, Каверин, Лидин и т. п.

Это уже во время кампании борьбы с космополитизмом, быстро принявшей антисемитский характер, евреи вынуждены были укрываться под псевдонимами. Особенно те, кто выступал в печати. От еврейских фамилий редакции шарахались, как чёрт от ладана.

Позже, после смерти Сталина главные погромщики отkreщивались от себя же прежних. Николай Грибачёв, который был не менее свиреп, чем Бубеннов, и так же, как он громил евреев, стал уверять других, что он не взирал на национальность космополита, что он, не будучи антисемитом, даже недавно перевёл стихотворение одного еврея. На что получил эпиграмму от Александра Раскина:

*Наш переводчик не жалел трудов,
Но десять лет назад он был щедрее:
Перевести хотел он всех жидов,
А перевёл лишь одного еврея.*

Но Михаил Бубеннов оставался верен себе. Не оправдывался. И не отkreщивался от славы антисемита.

Был ли он хорошим писателем? За первую часть романа «Белая берёза» получил сталинскую премию 1-й степени. Вторую часть, где действует великий, мудрый и родной Сталин он закончил писать в 1952 году. Но второй сталинской премии не дождался. Опоздал. Сталин умер раньше, чем он мог бы представить новую часть «Белой берёзы». Быть может, не будь он в это время так активен, выступая на каждом собрании, обличая евреев, то есть космополитов, он успел бы закончить книгу раньше. Получилось, что сам себя наказал. А после смерти Сталина обе части романа фигурировали на всех литературных собраниях как образчик так называемой «теории бесконфликтности».

Нет, не был хорошим писателем этот человек, умерший 3 октября 1983 года. Родился 21 ноября 1909 года.

* * *

Чем запомнился многим Георгий Пантелеймонович Макогоненко? Тем, что он в своей хрестоматии «Русская литература XVIII века» легализовал поэта И.С. Баркова. Да, он там впервые напечатал его стихи. Не срамные, конечно. Но за этим потом дело не стало. Главное, цензор теперь был должен пропускать не только фамилию Баркова, но и его произведения.

Чем отличился Георгий Пантелеймонович в очень трудное время арестов и посадок? Здесь я ссылаюсь на воспоминания дочери, Макогоненко – Дарьи Георгиевны:

«Во время блокады мой отец, Георгий Пантелеймонович Макогоненко, работал заведующим литературным отделом Ленинградского радиокомитета.

Однажды жена академика Виктора Максимовича Жирмунского сказала моему отцу, что ее мужа только что арестовали.

Во время своего ближайшего очередного дежурства, которое проходило в кабинете художественного руководителя Ленинградского радиокомитета Якова Бабушкина, отец дождался ночи и, воспользовавшись одной из «вертушек», стоявших в кабинете, позвонил начальнику тюрьмы, куда был доставлен В.М. Жирмунский.

Он учёл, во-первых, то, что ночь – наиболее верное время для звонка (именно ночью работал Сталин), во-вторых – то, что по «вертушке», с точки зрения начальника тюрьмы, зря звонить не станут, в-третьих – то, что с первого раза никто фамилии его не разберёт, и, наконец, то, что говорить нужно «начальственным» тоном. Именно таким тоном отец приказал начальнику тюрьмы немедленно освободить В.М. Жирмунского. Виктора Максимовича тотчас же освободили».

Понятно, что такого человека любовно вспоминают все – от бывших его студентов до его коллег.

Г.П. Макогоненко был профессором и заведом кафедры русской литературы Ленинградского университета, по совместительству работал в Институте русской литературы (Пушкинский дом). Подготовил издания К. Батюшкова, Н. Карамзина, А. Радищева, Д. Фонвизина, Г. Державина, Н. Новикова. Написал бессчётное количество работ по русской литературе XVIII и XIX веков.

О его главной черте, в том числе и как учёного, хорошо, на мой взгляд, сказал В. Вацуро: *«Человек большой смелости и гражданского мужества, Г. П. Макогоненко сохранял свои научные и гражданские принципы при всех колебаниях конъюнктуры, не отступая от них и тогда, когда это было связано с риском для него самого, и это определило тот этический пафос, которым отмечена и его научная и литературная деятельность».*

Скончался Георгий Пантелеймонович 3 октября 1986 года. Родился 10 апреля 1912-го.

* * *

Именем Филиппа Фёдоровича Фортунатова, выдающегося нашего лингвиста, названы два закона: «закон Фортунатова», описывающий условия возникновения древнеиндийских ретрофлексных звуков, и «закон Фортунатова-де Сосюра» (независимо сформулированный также Ф. де Сосюром), относящийся к балтославянской исторической акцентологии и описывающий эволюцию одного из типов ударения в балтийских и славянских языках.

А что до грамматики, то Фортунатов особенно подчёркивал роль морфологических (или «формальных» – откуда название его школы) коррелятов языковых значений и, в частности, предложил нетрадиционную классификацию частей речи, основанную практически только на морфологических критериях.

При этом следует учесть, что взгляды Фортунатова не были сформулированы в целостном виде. Они во многом реконструируются на основе анализов отдельных примеров и текстов лекций. Не все работы Фортунатова опубликованы до сих пор. А с другой стороны, идеи Фортунатова, высказанные им на протяжении двадцатипятилетнего преподавания, оказали огромное влияние на последующее поколение отечественных лингвистов и во многом подготовили почву для появления российского структурализма в лице Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона. Якобсон очень ценил Фортунатова и много сделал для его памяти. Непосредственными учениками Фортунатова являются Д. Ушаков, А. Шахматов.

Скончался академик Фортунатов 3 октября 1914 года. Родился 14 января 1848-го.

* * *

Александр Васильевич Чайнов имел диплом агронома, преподавал в Московском сельскохозяйственном институте, который окончил, и в Народном университете Шаняевского.

Видный деятель кооперативного движения после Февральской революции. Член Учредительного собрания. Автор радикальной аграрной программы. Две недели пробыл на посту товарища министра земледелия во Временном правительстве. Ни в каких партиях он не состоял.

После октябрьской революции, в 1921–1923 годах был членом коллегии Наркозема РСФСР и его представителем в Госплане РСФСР. Уже в 1926-м его обвинили в антимарксистском толковании сущности крестьянского хозяйства. В 1930-м арестован по делу Трудовой крестьянской партии. Расстрелян 3 октября 1937 года. Было ему 49 лет: он родился 29 января 1888 года.

Блестящий учёный, Чайнов был очень интересным писателем. Цикл его повестей представляет собой цепь увлекательных остросюжетных историй о Москве начала двадцатого века. Удивительно, как умел он переключаться с напряжённой работы в том же Наркоземе на сочинительство отнюдь не официальных документов.

В 1989 году издали его повести под названием «Венецианское зеркало». Сделали доброе дело. Вернули русской литературе хорошего писателя.

* * *

3 октября 1900 года родился Томас Вулф, американский писатель из плеяды художников «потерянного поколения». Не дожив трёх недель до 38 лет, он умер 15 сентября 1938 года. На его могильном камне высечены строки из его романа: *«последнее путешествие, самое длинное, самое лучшее»*, – подтверждено тем самым, что его книги были длинными путешествиями по собственной жизни, которая то и дело пробивалась сквозь художественную ткань повествования.

«Длинное» в буквальном смысле этого слова. Его рукописи были невероятно велики по объёму. Его писательская норма составляла 5 тысяч слов в день. Его эпизоды входили в легенды. Так сцена прощания друзей на вокзале заняла 120 страниц убористого шрифта, а возвращение женщины за забытой вещью описано на 250 страницах.

Трудно сказать, состоялся бы Вулф как писатель, если б не встретился ему Максвелл Перкинс, редактор издательства, который смог дочитать до конца огромную рукопись, смог рассмотреть в ней великое произведение и извлечь его из неё, уломав автора пойти на значительные сокращения. Но какой тяжёлой была эта редакторская работа, *«превратившаяся, – как написал Николай Анастасьев, – для обеих сторон в чистый ад»*: *«Перкинс предлагал что-то поджечь, а лучшие вовсе убрать, Вулф соглашался, но через несколько дней приносил не сокращённый, а, напротив, вдвое или даже втрое расширенный вариант эпизода»*. *«В общем, – справедливо заключает Анастасьев, – не в дефиците литературного опыта, как решил было Перкинс, дело заключалось – просто такая уж это была литература, и такой уж это был, на других не похожий, автор»*.

Речь шла о первом романе Вулфа «Взгляни на дом свой, ангел», который вышел в 1929 году и не отпугнул читателей своим восьмисотстраничным объёмом. Как писатель, Вулф был оценен сразу. Хотя его известность не помешала Перкинсу вновь проявить напряжённо-волевую редактуру, чтобы в 1935 году появился роман Вулфа «О времени и о реке» (название, кстати, дано Перкинсом). И снова – бурный успех у читателей и у коллег-писателей. Фолкнер, например, в будущем назовёт Вулфа крупнейшим писателем Соединённых Штатов.

Вулф любил путешествовать. Особенно ему нравилось бывать в Германии, где его боготворили читатели и где у него было много друзей. Но в 1936 году он столкнулся с гитлеровским «новым порядком», с дискриминацией евреев и, вернувшись в США, написал об этом рассказ «Я должен вам кое-что рассказать». После этого книги Вулфа были изъяты из германских магазинов и библиотек, а самому писателю въезд в Германию запретили.

В 1938 году во время путешествия по Западу США Вулф получил воспаление лёгких. Три недели в больнице улучшения не дали. В конце концов врачи поставили диагноз: милиарный туберкулёз мозга. Экстренная операция выявила, что болезнь поразила практически всё правое полушарие мозга. Не приходя в сознание, Вулф скончался.

После смерти писателя редактор Эдвард Эвелл стал разбираться в оставшихся в квартире Вулфа ящиках с его карандашными рукописями. Удалось выудить из этой груды бумаг два романа «Паутина и скала» (1939) и «Домой возврата нет» (1940). Но только к 1960-м годам закончилась работа над рукописями Вулфа, которые несли в себе и образцы малой эпической прозы. Напечатанные, они, дневники писателя и его записные книжки лишней раз подтвердили, каким огромным талантом обладал Томас Вулф.

Вообще сам писатель, несмотря на то, что в двух последних романах его герой действует не под тем именем, под которым жил в первых двух, все эти романы, его малую эпическую прозу, его дневники считал частями одной огромной рукописи, раскрывающей *«историю художника [...] вышедшего из самой простой семьи и познавшего всю боль, все заблуждения, всю потерянность, через которую проходит каждый человек земли»*.

4 ОКТЯБРЯ

По правде сказать, Дмитрий Яковлевич Гусаров (родился 4 октября 1924) больше запомнился своей должностью. Он был многолетним редактором журнала «Север», который выходит в Петрозаводске. И ещё я знал о нём, что он из карельских партизан, которых, между прочим, в войну курировал Андропов.

Очень может быть, что поэтому и стал главным редактором. Гадать не буду. Но, возглавив журнал в 1954 году (он тогда назывался «На рубеже»; нынешнее название носит с 1965 года), он ушёл на отдых только в 1990-м. 36 лет несменяемого редакторства – это, кажется абсолютный рекорд среди глав художественных журналов.

Ясно, что он и Народный писатель республики Карелия, и Заслуженный работник культуры РСФСР, и лауреат государственной премии Карельской АССР, и получил на редакторском посту 5 орденов, в том числе и Ленина: главный редактор литературного журнала автономной республики по должности входит в её обком, в его номенклатуру.

А ещё главный редактор такого журнала по должности входил в правление Союза писателей РСФСР, то есть входил в номенклатуру республиканского секретариата.

Разумеется, для всего этого нужно было не ссориться со сменяющимися секретарями карельского обкома. Но Гусаров, очевидно, и не ссорился.

Не стану врать: я его не читал. Читал в нашей «Литературной газете» большую хвалебную рецензию о его романе «За чертой милосердия», рассказывающем о рейде партизанского отряда в тыл врага. Но прозой я в газете не занимался. Рецензию готовил другой сотрудник, который обязан был прочесть роман. А в мои обязанности это не входило.

Умер Гусаров 7 августа 1995 года.

* * *

Стасик Лесневский был довольно близким моим товарищем ещё со времён, когда он работал в журнале «Юность». Работал недолго. Я приходил к нему в журнал, он приходил ко мне в «Литературную газету», и мы подружились.

О нём рассказывали много интересного.

Например, как он чуть не сорвал конференцию по Маяковскому, которая проходила в Дубовом зале ЦДЛ (рестораном он стал позже, когда пристроили здание на улице Воровского, то есть на Поварской, как она прежде и сейчас называется). Лесневский, тогда студент филологического факультета МГУ, забрался на балюстраду и сверху своими репликами сбивал с толку тех, кто не признавал Маяковского лучшим и талантливейшим. В конце концов, его попросили уйти. Он побежал по залу, выкрикивая оскорбительные тирады. Его хотели поймать, но изловить не сумели. А в университете дело замяли.

В начале 60-х в самый разгар хрущёвской оттепели Стасик вошёл в комиссию от партбюро и профсоюза издательства «Советский писатель, где он тогда работал. Комиссии было поручено проверить неприглядные факты из жизни директора правления «Советского писателя» Н.В. Люсичевского. Его обвиняли в том, что он способствовал аресту поэта Заболоцкого и ещё нескольких писателей при Сталине. Факты подтвердились. Люсичевский должен был подать заявление об уходе. Но горьком затягивал с требованием этого заявления, переживал в связи с очень колеблющейся непостоянной политикой Хрущёва по этому вопросу.

Я в это время учился в МГУ, и у нас такая же комиссия проверяла поведение декана Романа Самарина в сталинское время. Должность декана Самарина потерял. Но остался заведовать кафедрой иностранной литературы.

И Люсичевский в конце концов уцелел. И отомстил тем, кто собирался его гнать. Выгнал их сам. В том числе и Стасика.

Станислав Стефанович Лесневский (родился 4 октября 1930) был человеком смелым. Это он годами добивался, чтобы в блоковском Шахматове проводились юбилейные вечера, чтобы открылся там музей. По этому поводу ему приходилось иметь дело то с горкомом партии Москвы, то с московским обкомом. Надеясь получить больше политического веса, он согласился войти в партбюро московской писательской организации. И это оказалось его трагедией. Потому что его заставили принять участие в исключении из Союза писателей Владимира Войновича.

Это пятно он пытался смыть с себя всю оставшуюся жизнь. Дерзил начальству. Проводил блоковские мероприятия чуть ли не через голову горкома и обкома. В перестройку стал членом редколлегии легендарного «Огонька» Коротича. В 1996 году его сделали координатором комиссии по подготовке международного суда над КПСС и практикой мирового коммунизма. Но до суда дело не дошло. Ельцин был решителен только в самом начале своего правления, а в 96-м ему пришлось приложить большие усилия, чтобы переизбраться в президенты. А, переизбравшись, пойти на огромные уступки своим оппонентам.

Был Стасик преданным поклонником Блока. Писал о нём. Принял приглашение войти в Блоковскую группу ИМЛИ для подготовки полного собрания Блока. Собирает материалы, писал комментарии, писал в «Литературную газету» жалобу, что издание застопорилось. В конце концов, получив от своей сестры Ирэн Лесневской в подарок издательство «Прогресс-Плеяда», выпустил там 1-й том Блока, очень мощный по редакторско-комментаторским материалам. Рассчитывал выпустить второй. Но для этого нужно было сидеть в архивах так же, как и в работе над первым, а времени на архивы у Лесневского уже не было: погрузился с головой в работу издательства.

Хорошее было издательство, выполнявшее просветительские задачи.

Умер Станислав Стефанович внезапно – 18 января 2014 года.

* * *

Виктор Владимирович Виноградов заведовал кафедрой русского языка, когда я учился на филологическом МГУ. Не могу понять, почему это не отражено в Интернете. Да, он после Ленинграда в Москве преподавал в МГПИ им. Потёмкина и в МОПИ им. Крупской. Но и в МГУ – это я помню.

Я считаю себя учеником Виктора Владимировича, потому что сформировался на его работах по стилистике. Стил Пушкина, стил Гоголя, стил Лескова, стил Ахматовой – я с большим вниманием и с пользой для себя читал работы академика. Как и он, я скептически отношусь к структурной лингвистике, не считаю убедительным построенный на ней анализ художественного текста. Как и он, я всматриваюсь в реалии текста, стараясь не пропустить ничего существенного. Как и он, стараюсь понять особенности индивидуального стиля данного художника, чаще всего – Пушкина, коль скоро я им занимаюсь.

Академик Виноградов одинаково велик и как литературовед и как лингвист. Его лингвистические работы, такие как «Русский язык. Грамматическое учение о слове» или «Из истории изучения русского синтаксиса (От Ломоносова до Потемни и Фортунатова)» навсегда вошли в золотой фонд нашей отечественной лингвистики.

Значительно позже его смерти, случившейся 4 октября 1969 года (родился 12 января 1895-го), – в 1995-м издали его книгу «История слов», посвящённую истории возникновения и развития семантики русских слов. Странно, что она издана так поздно. Но лучше поздно, чем никогда. Эта книга так же достойна своего замечательного автора, как и другие, напечатанные при его жизни.

* * *

Накануне праздника Покрова (дня смерти тестя), мы с женой ездим на Новодевичье кладбище прибраться его могилу и положить цветы. Я, как правило, стою и у могилы похороненного неподалёку Сергея Ивановича Радцига, легендарного многолетнего преподавателя античности, скончавшегося 4 октября 1968 года. (Родился 17 мая 1882-го). Мы в университете застали его маленьким румяным старичком. О его плаксивости вспоминают многие. Нам он читал латынь, а на курсе моего коллеги по «Литературной газете» Лёвы Токарева, который был старше нас на два года, – древнегреческую литературу. *«Задаёт наводящие вопросы, – рассказывал мне Лёва уже в «Литгазете», как Радциг принимал у них экзамен, – умоляюще смотрит на студента, но, поняв, что тот не ответит, громко рыдает: «Заросла! Заросла народная трона!»*

Мне рыдающего Радцига видеть не приходилось, но одну его лекцию по древнегреческой слушать довелось. Образовалось окно в занятиях: кто-то из преподавателей заболел, и я, чтобы не слоняться бесцельно в ожидании следующей лекции, заглянул в аудиторию, где читал другому курсу Радциг. Он рассказывал об идеале древних греков. Даже не рассказывал, а лучше сказать, парил от восторга: Олимп, Олимпийские игры, посвящённые богам, герои, исповедовавшие идеал, связанный с теми или иными покровительствовавшими им богами, наконец, Гомер, величайший художник, первым постигший природу искусства, цель которого – идеал.

Заканчивал свою страстную лекцию Радциг цитатой из малоизвестной тогда статьи Гоголя, которая входила в его книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», напечатанную к тому времени только в академическом собрании сочинений писателя. Гоголь говорил об «Одиссее», которую перевёл Жуковский. *«Тот из вас, – сказал Радциг, – кто постигнет древнегреческий и прочитает «Одиссею» на нём, поймёт, что перевод очень хорош, но оригинал намного лучше. Однако Гоголь не зря радуется, что «Одиссею» прочтут теперь русские люди».* И он процитировал:

«Много напомним она им младенчески прекрасного, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себе человечество, как своё законное наследство. Многие над многим призадумаются. А между тем многое из времён патриархальщины, с которым есть такое родство в русской природе, разнесётся невидимо по лицу русской земли. Благоухающими устами поэзии навеивается на души то, чего не внесёшь в них никакими законами и никакой властью!»

Эта лекция перевернула мою душу, заставила по-новому взглянуть на мир и на место в нём искусства. А гоголевскую цитату я вынес в эпиграф той главы одной из моих книг, где речь идёт о вечно удерживающем искусство на поверхности идеале, без которого оно рухнет в пропасть. Как это мы нередко наблюдаем сейчас.

О Радциге рассказывают немало анекдотов. Вот один из них:

Незадолго перед революцией студента Радцига поймали с прокламациями. Нет, он не распространял их, а просто зачем-то подобрал. Его вскоре отпустили (этот случай потом не раз помогал ему во времена Советской власти), но о происшествии узнали в университете.

И вот на экзамене Радциг предстал перед Сергеем Ивановичем Соболевским. Профессор долго гонял несчастного по греческой грамматике, нашел, наконец, слабое место и, поставив двойку, изрек: *«Вы, молодой человек, сначала выучите греческий язык, а потом уже прокламации разносите».*

Два десятка лет спустя, восстанавливая классическую кафедру, Соболевский всё-таки пригласил молодого тезку преподавать в МИФЛИ.

Мне анекдот нравится психологической точностью. Ну, невозможно представить себе Сергея Ивановича Радцига, распространяющего прокламации. Подобрать и с этим очутиться в полиции – другое дело. Мне думается, что и Соболевский, познакомившись с Радцигом поближе, понял это. Потому и позвал его преподавать.

А преподавателем, как я уже сказал, Радциг был превосходным. Он, кстати, и автор основных учебников, которые читали его студенты: «Истории древнегреческой литературы», «Введения в классическую филологию», «Античной мифологии».

* * *

Ну, кто не знает четырёхтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля?

Менее известно, что этнограф, собиратель фольклора Владимир Иванович Даль, умерший 4 октября 1872 года, а родившийся 22 ноября 1801-го, собранные песни отдал Петру Васильевичу Киреевскому, а собранные сказки – Александру Николаевичу Афанасьеву. Его богатейшая коллекция лубков поступила в Императорскую публичную библиотеку и вошла впоследствии в издания Ровинского.

Отец Даля – обрусевший датчанин принял российское подданство вместе с именем Ивана Матвеевича. Был он богословом и медиком, знал немецкий, французский, английский, русский, идиш, латынь, греческий и древнееврейский языки. Мать Даля Мария Христофоровна знала пять языков. Так что Даль пошёл в родители, свободно владел 12 языками и сверх этого понимал тюркские.

Для своих художественных произведений Даль взял псевдоним «Казак Луганский» в честь своего родного Луганска. Он считал своей родиной Россию и, посетив Данию, писал: *«Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».*

Вообще-то по образованию Даль был врачом: учился в Дерптском университете на медицинском факультете. Как врач, хорошо показал себя в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в польской кампании 1831 года.

С марта 1832 года служил ординатором в Петербургском военно-сухопутном госпитале и вскоре стал знаменитостью города.

Позднее, оставив хирургическую практику, Даль не ушёл из медицины, пристрастившись к гомеопатии и офтальмологии. Ему принадлежит одна из первых статей в защиту гомеопатии.

Как литератора его прославили «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый» (1832). Ректор Дерптского университета пригласил Даля на кафедру русской словесности. При этом книгу приняли в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора филологии. Но её отклонил как неблагонадежную министр просвещения.

Это произошло из-за доноса на автора книги управляющего III отделением Н.А. Мордвинова. Мордвинов нашёл, что книга написана простым слогом, приспособленным для низших слоёв общества, и что в ней содержатся насмешки над правительством. Бенкендорф доложил об этом Николаю, и осенью 1832 года во время своего обхода в госпитале, где работает Даль, его арестовывают и привозят к Мордвинову. А тот отправляет его в тюрьму. Василий Алексеевич Жуковский, наставник наследника императора цесаревича Александра, объясняет ему, в какой филологической яме оказалось правительство с книгой Даля, рассказывает о врачебной деятельности Даля на войне, где Даль получил два ордена и медаль. Цесаревич пересказывает это отцу, и Николай распорядился освободить Даля.

Главное детище Даля «Толковый словарь», за первые выпуски которого он получил константиновскую медаль от Императорского географического общества, в 1868 году избран в почётные члены Императорской академии наук, а по завершении удостоен Ломоносовской премии, – так вот этот словарь издаётся с цензурными вымарками. Даль собрал ВСЕ слова живого языка, в том числе и скабрзные, матерные. И они объяснены Далем. Но при Нико-

лае, как в нынешней России, мат в печати – вне закона. Только в 1903 году вышло *«исправленное и значительно дополненное издание, под редакцией проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене»*, где вульгарно-бранная лексика дана в четвёртом томе. Но в советское время этим изданием пренебрегли, вернулись к цензурованному.

Даль работал над словарём 53 года жизни.

А кроме него, он выпустил ещё один капитальный труд «Пословицы русского народа». Поначалу он назвал его «Сборник пословиц» (1853) и, столкнувшись с цензурным запретом, вместо того, чтобы торговаться с цензурой, написал на титуле книги: «Пословица не подсудна». Только в 1862 году этот труд увидел свет.

Даль напечатал очень много книг разного характера. Он невероятно много сделал для своей родины России.

5 ОКТЯБРЯ

Читали ли вы такое стихотворение:

– Лаврентий Берия мужчиной сильным был.
Он за ночь брал меня раз шесть...
Конечно,
Зимой я ела вишню и черешню,
И на моем столе,
Представь, дружочек,
Всегда стояла белая сирень.
– Но он преступник был,
Как вы могли?
– Да так,
Я проходила мимо дома Чехова,
Когда «Победа» чёрная подъехала
И вылезший полковник предложил
Проехать с ним в НКВД...
О Боже,
Спаси и сохрани!..
А за углом
Был дом другой,
И я ревмя редела,
Когда меня доставили во двор.
Но расторопно-вежливый полковник
Помог любезно выйти из машины,
По лестнице провёл проходом узким
И в комнате оставил у бильярда
Наедине со страхом ледяным.
Прошло минут пятнадцать...
Я пришла
В себя,
Когда раскрылась дверь внезапно,
И сам Лаврентий вышел из-за шторы
И сразу успокоил,
Предложив
Сыграть в «американку» на бильярде.
– Как это страшно!..
– Поначалу страшно,
Но я разделась сразу, —
В этом доме
Красавицы порою исчезали,
А у меня была малютка-дочь.
Да и к тому же это был мужчина —
В любое время деньги и машина,
Какая широта,
Какой размах!
Я отдавалась, как страна – грузину,

*Шампанское – рекой,
Зимой – корзины
Сирени белой,
Он меня любил!..
– Но он сажал,
Расстреливал. Пытал!..
– А как бы ты с врагами поступал?
Не знаешь...
И поймёшь меня едва ли.
А он ходил в батистовом белье,
Мы веселились,
Пили «Цинандали»
И шёл тогда
Пятидесятый год...*

Стихотворение называется «Фрагменты диалога с Антониной Васильевой». Написано в 1977 году. Его автор Евгений Иванович Блажеевский (родился 5 октября 1947 года) прожил на свете относительно немного: умер 8 мая 1999-го на 52 году жизни. И, на мой взгляд, не дополучил той известности, которая выпала на долю его ровесников Ивана Жданова или Александра Ерёменко.

Хотя, по мне, он сильнее и того и другого.

Не знаю, почему так получилось, но в последнее время он, кроме журнала «Континент», нигде не печатался. А «Континент» в России во времена, когда публика переставала вообще что-либо читать, не был популярным журналом, как некогда.

Да и статьи о Блажеевском авторитетных и уважаемых критиков (например, Станислава Рассадина) печатал тот же «Континент».

Между тем, Блажеевский на глазах – от одного цикла стихов в «Континенте» до другого – вырастал в крупного поэта. Но, как сказал он сам, «для литературной известности часто важна маска, подменяющая собою живое лицо. Или, как теперь говорят, имидж – противное, жуужжащее, как парикмахерская машинка, слово... Бессмысленно ставить телегу впереди лошади, но имидж впереди таланта можно, да ещё как...» Такой известностью Блажеевский брезговал. А другую в конце девяностых обрести уже было невозможно. Как некогда «эстрадная» поэзия хрущёвской оттепели, поэзия в эпоху позднего Ельцина или раннего Путина привлекала читателей тоже не своим духовным содержанием. От поэтов требовалось участие в конкурсах, номинированность на те или иные премии, получение их, – то есть как раз то, чем Блажеевский заниматься не хотел.

Поэтому и получилось так, что после первой книжки, вышедшей в 1984 году, вторая появилась только через десять лет, и то благодаря другу Блажеевского Юрию Кувалдину. Кувалдин выпустил книгу «Лицом к погоне» в своём издательстве «Книжный сад», которое, кажется, давно уже с тех пор перестало существовать.

После смерти Евгения Блажеевского вышли две его книги. Одна в 2001, другая в 2005 году. С тех пор – ни одной.

Что ж, он будто предчувствовал забвенье:

*Дётся с опозданием часто,
С непоправимым иногда,
Кому – взлохмаченная астра,
Кому – вечерняя звезда.
Воздастся с опозданием вечным*

*Художнику за то, что он
Один в потоке бесконечном
Был для потомков почтальон.
Дётся с опозданием горьким
Сознание, что сказать не смог
О тех, что горевали в Горьком,
В Мордовии мотали срок.
Воздастся с опозданием страшным
За то, что бросил отчий дом
И, пусть небрежным, карандашным
Родных не радовал письмом.
Дётся, душу поражая,
Как ослепительная новь,
По-настоящему большая,
Но запоздалая любовь...*

Мне думается, что когда развеется морок бескультурного китча (а он непременно развеется), когда вернётся общественная потребность в искусстве (а она непременно вернётся), со стихами Блажеевского произойдёт то же самое, что предсказывал для своих стихов Баратынский: «*Читателя найду в потомстве я*». Я верю, что Евгения Блажеевского ждёт пусть запоздалая, но по-настоящему большая читательская любовь.

* * *

Вацлав Гавел, родившийся 5 октября 1936 года, для многих стал во время оккупации Чехословакии советскими войсками и последующего правления в ней советских сателлитов символом борьбы за свободу. Удачливый драматург, он после оккупации Чехословакии активно включился в правозащитную деятельность. Все диктаторы одинаковы, не проявила оригинальности и гусаковская диктатура, запретившая публикации произведений Гавела и театральные постановки его пьес.

Трижды с 1970 по 1989 год Гавела арестовывали и осуждали. В первый раз в 1977 году после подписания «Хартии-77», требовавшей от правительства соблюдения Хельсинкского Заключительного акта. Второй раз – в том же 1977 году в октябре по обвинению в «*покушении на интересы республики за рубежом*». И третий – в январе 1989 года – за возложение цветов к месту самосожжения в 1968 году пражского студента Яна Палаха. В общей сложности Гавел провёл в тюрьме 5 лет.

После падения просоветского режима, которое названо «бархатной революцией», Гавел был избран президентом Чехословакии.

Подав в отставку с этого поста в связи с дезинтеграцией страны. Избран президентом нового возникшего государства Чехии. А власти Словакии сделали Гавела почётным гражданином своей столицы Братиславы, отмечая этим выдающуюся роль Гавела и в падении тоталитарного режима в Чехословакии, и в помощи, которую президент Чехии оказал Словакии в интеграции в европейские структуры.

Гавел – признанный миром художник. Ещё в 1969 году он получил австрийскую премию по литературе. Он автор 16 пьес, множества статей, эссе. В июне 2010 года получил литературную премию имени Франца Кафки.

Из многочисленных афоризмов Гавела мне больше всего нравится этот: «*Политика не есть искусство возможного; политика – искусство невозможного*».

Именно! Поэтому политику Гавелу, умершему 18 декабря 2011 года, сопутствовала удача!

* * *

Сергей Иванович Гусев-Оренбургский (родился 5 октября 1867 года) уже к октябрьской революции выпускал своё собрание сочинений, которое было остановлено в 1918 году на 16 томе. 17-й и 18-й остались неопубликованными.

Сперва он, окончив духовную семинарию, принял сан священника. Но через 6 лет отказался от сана и полностью посвятил себя писательству. Входил в литературную группу «Среда». Был членом книгоиздательского товарищества «Знание». До революции он один из самых популярных писателей России. Особенным успехом пользовалась его повесть «В стране отцов», навеянная духовным подъёмом первой русской революции (1905). Высоко была оценена современниками и повесть «В глухом уезде» (1912).

Во время Первой Мировой войны работал в санитарных поездах, был на фронте. В 1918–1920 годах скитался по России.

Из Читы в 1921 году эмигрировал в Харбин. В 1923-м переселился в США, где и прожил 40 лет, скончавшись 1 июня 1963 года.

В Харбине впервые вышла его «Багровая книга. Погромы 1919-20 гг. на Украине» (1922). Книгу издал «Дальневосточный Еврейский Общественный Комитет помощи сиротам – жертвам погромов». Издал так, как она была написана Гусевым-Оренбургским.

В Советской России её фактически не видели. Она вышла в издательстве Гржебина и отпечатана в петроградской типографии тиражом в несколько десятков экземпляров. После-сло-вие к ней написал Горький. Но даже в этом – недоступном нормальному читателю – виде цензура поработала основательно: там, где дело касается участия в погромах красных войск, естественно, следуют вымарки. Почти целиком из книги изъята трагическая глава о погромной деятельности большевиков. Из четырёх различных групп, которые, по рассказу писателя, действовали на погромном плацдарме, цензура оставила три, убрав везде информацию о деятельности «советских отрядов».

Вот Пролог к этой книге:

«История Украины – это летопись еврейских погромов. Мы знаем о свирепой Хмельничине середины XVII века. Мы слышали о долгой и страшной Гайдаматчине средней трети XVIII века. Многие из нас переживали погромы 1881–1882 годов. Отлично помним мы октябрьские деяния черносотенцев в 1905 году.

Теперь...

Проходит перед нашими глазами пятое по счёту украинское массовое кровавое действо, – страшный кровавый разлив, оставивший за собой все ужасы протёкших времен.

Никогда не падало такое количество жертв.

Никогда евреи не были так одиноки.

Никогда безысходность их положения не была так ужасающая.

В революционные эпохи 1881 и 1905 годов еврейские погромы были кратковременны, – они налетали как мгновенный шквал, как Самум в Сахаре. Теперь – это сплошное, непрерывное, перманентное бедствие. Во времена Хмельничины и Гайдаматчины евреи были между молотом и наковальней. Теперь по ним, распластанным по той же украинской наковальне, ударяет не молот, не два, а все молоты, какие только работают на этой дикой и злой почве. Они бьют по ним без усталы, днём и ночью, летом и зимою. Наконец, прежние чёрные годы относятся к далёкому прошлому. Может быть преувеличены бедствия, может быть цифры погибших ниже тех, о которых повествуют трогательные элегии. Теперь всё происходит на наших гла-

зах. Мы видим, правда, только часть картины, ибо другие части закрыты ещё непроходимыми кордонами. Но, что доступно нашим глазам и ушам, мы видим и слышим...

Мы слышим и считаем.

И скорбные результаты подсчётов могут быть только безмерно ниже действительности».

А это ведь до Холокоста! Похоже на его генеральную репетицию.

* * *

С Израилем Моисеевичем Меттером, родившимся 5 октября 1909 года, я познакомился в Гульрипшах (под Сухуми) в доме творчества нашей «Литературной газеты». Обаяние этого человека было очень велико. До знакомства я читал только его «Мухтара» и смотрел фильм «Ко мне, Мухтар!», но и этих вещей было для меня вполне достаточно, чтобы ценить Меттера за талант.

И не только за талант.

Я знал о его участии в процессе Бродского в качестве свидетеля, возмущённого самим судилищем над поэтом. Знал, что он чуть ли не единственный аплодировал выступлению Зоценко, который отбивался от яростных нападок коллег, демонстрирующих присутствующим на писательском собрании представителям власти не просто своё послушание, но полную с ними солидарность.

Я ценил Меттера за гражданское мужество.

Поэтому обрадовался нашему знакомству, которое особенно укрепилось, когда на один день в Гульрипши приехал Фазиль Искандер, находившийся в Абхазии, и мы вчетвером (с Израилем Моисеевичем была очень симпатичная жена Ксения Михайловна) поднялись в горы, в деревушку, которая считается родиной Берия, и посидели там в очень уютном небольшом ресторане.

Фазиль показал нам некоторых прототипов своих персонажей. Кроме бармена, который подсел к нам, остальные не были работниками ресторана. Сидели за столиком. Фазиля шумно приветствовали. Послали нам несколько бутылок вина, но бармен что-то им крикнул и не разрешил нам послать им вина в ответ. Впрочем, через какое-то время и они (человек пять) оказались за одним столом с нами. Чудесный рассказчик Израиль Моисеевич, знавший множество житейских историй, заинтересовал ими и наших новых знакомых. Провожали они Израиля Моисеевича любовно.

А Меттер после Гульрипш присылал мне свои книги. «Среди людей», «Свидание», «Будни». Прочитал я его пронзительный автобиографический «Пятый угол». И ещё раз убедился, что он отличный писатель.

Он получил в Италии премию Гринцане-Кавур – города в провинции Пьемонт за лучшее произведение иностранного писателя (1992). У нас он никаких премий не получал. Впрочем, я читал, что он ребёнком присутствовал на суде, где его мать, желая получить вдовью пенсию, не смогла доказать, что она действительно была женой своего мужа, от которого родила четверо детей. Брачное свидетельство, заверенное дореволюционным раввином, судья отказался считать доказательством. Нечто подобное вышло и с отечественными премиями: ни одной из них Меттер не был удостоен. Его прекрасные книги официальные лица не посчитали настоящей литературой. Не удивляюсь. Знаю, как страдал он от цензуры до развала СССР, после чего прожил недолго: скончался 7 октября 1996 года.

* * *

Две сталинские премии драматург Александр Петрович Штейн получил за сценарий фильма «Суд чести» (1949; 2-й степени) и пьесу «Флаг адмирала» (1951; 3-й степени). Уже по этим названиям понятно, что Штейн имел какое-то отношение к флоту. Имел, да. В 1941–1946 годах он служил офицером на Балтийском флоте. Был редактором газеты линкора «Октябрьская революция», потом корреспондентом и начальником отдела культуры газеты «Красный флот».

Первые пьесы поначалу писал в соавторстве с братьями Турами и Я. Горевым. Они начали появляться с 1929 года. В пьесе «Пролог» (1939) была сцена с участием Сталина, которую драматург убрал в 1955-м. В премированной пьесе «Суд чести» Штейн разоблачает космополитизм в академической среде. А в центре пьес «Персональное дело» (1954) и «Гостиница «Астория» (1956) – восстановление ленинских норм партийной жизни.

Словом, Штейн, умерший 5 октября 1993 года (родился 28 сентября 1906-го), из тех, кто, как шутили, колебался вместе с линией партией. Это колебание и зафиксировали его многочисленные пьесы. Но, судя по тому, что он дожил до почтенного возраста, на его здоровье это не отразилось.

* * *

Дени Дидро, родившийся 5 октября 1713 года, написал «Энциклопедию». Точнее, основал такого рода справочное издание. Всего он работал над ней больше 30 лет. А тома выходили 29 лет – с 1751 года.

Вообще-то до Дидро издание под названием «Энциклопедия» выходило. Его написал англичанин Эфраим Чемберс и посвятил своё издание королю. Так что когда с Дидро договаривались о выпуске Энциклопедии, полагали, что это будет перевод книги Чемберса. Но Дидро, обладавший широчайшими познаниями, стал писать свой труд, растолковывая каждое понятие, придавая ему философскую окраску.

Дидро, однако, автор не только «Энциклопедии». И если пьесы Дидро особого успеха не имели, то его проза пользовалась популярностью. Особенно повести «Жак Фаталист» (1773) и опубликованная посмертно «Племянник Рамо».

Рамо несколько похож на будущего героя Уайльда Дориана Грея. Циник, лжец, наслаждающийся своим аморальным поведением, он отрицает всякую мораль и старую, и новейшую.

А в повести «Монахиня» речь идёт о развращённости нравов. Повесть окрашена в антиклерикальные тона, сделавшись образцом антирелигиозной пропаганды своего века.

Дидро был сыном своего этого века, который назвали веком Просвещения. Дидро просвещал читателя в каждом своём произведении. Закончить о нём, умершем 31 июля 1784 года, мне хочется его цитатой, которая звучит как проповедь и не утомляет, несмотря на свою солидную величину:

«О, мои друзья! Какое вам дело до того, существуют ли бог, дьявол, ангелы, рай и ад! Разве вы не знаете, что хотите быть счастливыми и что это желание имеет также у других.»

Разве вам не известно, что настоящее блаженство заключается в том, что все люди нуждаются друг в друге, и что вы ожидаете помощи от себе подобных точно так же, как они ждут её от вас. Разве для вас тайна, что если вас не будут любить, уважать и почитать, то на вашу долю достанутся презрение и ненависть? Разве не ясно, что любовь, уважение и почтение обретаются добрыми людьми?»

Итак, совершайте добро, пока вы существуете, и усните вечным сном, также мало беспокоясь о том, что с вами будет после вашей смерти, как мало вы беспокоитесь о том, чем вы были за несколько сот лет до своего рождения. Нравственный мир так тесно связан с миром физическим, что трудно предположить, чтобы они не были частями одной и той же машины. Вы были лишь атомом этого великого целого, время вновь превратит вас в его мельчайшую частицу. Пройдя это расстояние между двумя атомами, вы претерпели множество метаморфоз. Из этих метаморфоз наиболее важна та, при которой вы ходили на двух ногах. Только с нею связано наличие сознания. Только в этом состоянии вы благодаря воспоминанию о ваших последовательных действиях осознаете себя индивидом, называемым «я». Сделайте так, чтобы это «я» уважало и почитало себя и пользовалось уважением и почтением современников и тех, кто придет после них.

Вы будете в мире с самим собой, если находитесь в мире с другими, и наоборот. И не смешивайте цикуту с петрушкой. Это легче сделать, чем ошибиться в наиболее простых истинах метафизики».

6 ОКТЯБРЯ

«7 июля 1833 г. Торжок.

Милостивый государь!

Александр Сергеевич!

Я уверен, что вы не совсем забыли того, который первым вам обязан развитием малых своих способностей; вы поощряли меня на поприще словесности, и мои слабые начинания были освящены здоровой и отчётливой вашей критикой. Я никогда не забуду времени, проведённого мною с вами в Москве; те дни памяты моему сердцу, и в теперешнем моём положении, гонимый и преследуемый роком, осталась мне одна только отрада Воспоминание. Прошу вас принять с снисхождением, свойственным вашему гению, сей слабый труд моего мгновенного досуга; и если вы его найд[ёте] достойным вашего воззрения, то я вполне буду вознаграждён за те неприятности, с которым сопряжено звание поэта ремесленника XIX столетия. Служба в военной службе, то есть: пресмыкаясь, а не существуя, я не имел случая сам наблюдать за изданием; вот причина, почему неумолимая цензура, простирающаяся даже на конфетные билеты, и копотливая корректура, столь необходимая в русских типографиях, исказили в некоторых отношениях мою новорожденную Поселянку.

С истинным почтением и таковою же преданностию имею честь быть вашим покорнейшим слугою

Александр Башилов».

Да, Пушкин знал Александра Александровича Башилова, родившегося 6 октября 1807 года, поощрял его литературные опыты и способствовал его поэтическому развитию, чем влюблённый в Пушкина Башилов гордился, печатно называл Александра Сергеевича своим «кумиром» и опубликовал в альманахе «Радуга» стихотворение «Поэт», посвящённое Пушкину (1830).

В письме речь идёт о «Поселянке» – повести в стихах, которая вышла отдельным изданием в 1833 году. Её Башилов послал Пушкину, жалуясь, как мы видим на цензурные искажения, о которых его, связанного с военной службой в Конно-егерской дивизии, никто не оповестил.

Как отнёсся Пушкин к «Поселянке» – романтической поэме байронического типа, написанной на материале крестьянского быта, нам неизвестно.

Стихи Башилова подражательны. Вот, к примеру, «Всё не впрок» – сатирические куплеты, наподобие тех, которые мы можем встретить у любого стихотворца его поколения:

*Иной Фортуной избалован,
Иного гонит тяжкий рок!
И целый свет на том основан,
Что нужен всем судьбы урок:
А без него нам всё не впрок.
Плутов в Палате заседает —
И мыслит: вот скоплю домок!
Но, Председатель брат мешает;
Жена мотает, сын игрок —
И так Плуту всё не впрок!
Климена делает всем глазки
И прочит всем любви цветок.
Как томен взор, как нежны ласки,
Как на груди скользит платок! —*

*Но в сорок лет ей всё не впрок!
«Влюблён я, матушка, в Надину», —
Твердит Скупягиной сынок.
«Она бедна», — ответ был сыну.
«Но разве бедность есть порок?»
«Всё так, да в бедности не прок!»
Писатель Клим, поэт упорный,
Не внемлет критики свисток;
Тиран науки стихотворной,
Из лиры сделав, нам гудок,
Гудит, гудит, да всё не впрок!
Я знаю, в этом нет сомненья,
Что заслужу себе упрёк,
За то, что бред воображенья
Переложил на сей листок:
Дай Бог, чтоб это было впрок!*

Так же подражательны (особенно Вяземскому и Пушкину) стихи Башилова разных жанров: элегии, баллады, мелодраматическая лирика.

Печатали Александра Александровича охотно: он был дружен с альманашниками, с редакторами журналов. Но после «Поселянки» он, кажется, уже ничего не писал.

Стихи его не кормили, и он начал нуждаться. К 1840 году и вовсе разорился, поступил на службу. До самой смерти, которая случилась 17 января 1854 года, работал у известного предпринимателя Василия Александровича Кокорева по откупам – то есть манипулировал с налогами на знаменитую кокоревскую водку, дешёвую, крепкую и весьма недоброкачественную.

* * *

Это стихотворение, поменяв «мой» на «ваш», пел Александр Николаевич Вертинский:

*Мой чёрный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ласков и так мил!
Мои браслетки, кольца, брошки
Он убирал и в сундучке хранил.
Но в чёрный день печали и тревоги
Мой карлик вдруг поднялся и подрос:
Вотще ему я целовала ноги —
И сам ушёл, и сундучок унёс!*

Стихотворение написала Надежда Александровна Лохвицкая, которая выступила в печати, взяв себе псевдоним Тэффи. Она начинала со стихов, и стихотворение о карлике – одно из ранних.

Кстати, она сама играла на гитаре и сочиняла музыку на свои слова. Так что вполне может быть, что и мелодия в стихотворении о карлике Вертинским не придумана.

Дебютировав в 1901 году, Тэффи быстро набирала литературную известность. Её рассказы печатались в самых известных юмористических изданиях того времени: «Сатирикон», потом «Новый Сатирикон».

В 1910 году одновременно вышли две её книги: поэтическая «Семь огней» и прозаическая «Юмористические рассказы». Поэтическая прошла почти незамеченной, а «Юмори-

стические рассказы» раскупали охотно, быстро. Через год «Юмористические рассказы» стали двухтомными. С тех пор книги её прозы выходят каждый год до революции, а за её рассказами охотятся редакторы периодических изданий.

Её проза и драматургия становятся настолько популярны, что в продажу поступают духи «Тэффи» и конфеты «Тэффи».

Тэффи приняла деятельное участие в создании вместе с Аркадием Аверченко, Осипом Дымовым и Иосифом Оршером книги «Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» (1909, 1912). Несомненно, что именно такую традицию – облекать известные исторические факты в сатирические или юмористические формы подхватил Михаил Зощенко в своей «Голубой книге».

Поклонником таланта Тэффи был сам император Николай II, который попросил, чтобы её рассказы были напечатаны в книге, выходящей к 300-летию дома Романовых. Да и Ленин её охотно почитывал. По его указанию большевистские издания перепечатывали из эмигрантских рассказы Тэффи, высмеивающие быт покинувших Россию людей. Но оказавшаяся в эмиграции Тэффи добилась, чтобы подобные пиратские перепечатки были прекращены.

Однако до того, когда она этого добилась, четыре пиратские книги, изданные в СССР уже после смерти Ленина в 1926-м и в 1927 году, принесли советским издателям хорошую прибыль.

Свою эмиграцию Тэффи объяснила весьма внятно: *«Конечно, не смерти я боялась. Я боялась разъярённых харь с направленным прямо мне в лицо фонарём тупой идиотской злобы. Холода, голода, тьмы, стука прикладов о паркет, криков, плача, выстрелов и чужой смерти. Я так устала от всего этого. Я больше этого не хотела. Я больше не могла».*

Но ужасы постреволюционных лет постепенно забывались в эмиграции. Юмор Тэффи носил всё более примирительный характер. Недаром Константин Симонов, приехавший после Второй мировой войны в Париж уговаривать Бунина вернуться в Россию, вспоминает о тёплом приёме, который оказала ему Тэффи.

Однако ни Бунин, ни Тэффи на родину не вернулись. Бунин, кстати, дружил с Тэффи, любил её творчество. Особенно нравился ему её рассказ «Городок». По воспоминаниям самой Тэффи, слушая его, Бунин хохотал до слёз:

«Это был небольшой городок – жителей в нём было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров.

Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секваной, потом Сенной, а когда основался на ней городишко, жители стали называть её «ихняя Невка». Но старое название всё-таки помнили, на что указывает существовавшая поговорка: «живём, как собаки на Сене – худо!»

Жило население скучено: либо в слободке на Пасях, либо на Ривгоше. Занималось промыслами. Молодёжь большей частью извозом – служила шофёрами. Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты – в качестве цыган и кавказцев, блондины – малороссами.

Женщины шили друг другу платья и делали шляпки. Мужчины делали друг у друга долги.

Кроме мужчин и женщин, население городишки состояло из министров и генералов. Из них только малая часть занималась извозом – большая преимущественно долгами и мемуарами.

Мемуары писались для возвеличения собственного имени и для посрамления сподвижников. Разница между мемуарами заключалась в том, что одни писались от руки, другие на пишущей машинке.

Жизнь протекала очень однообразно.

Иногда появлялся в городке какой-нибудь театрик. Показывали в нём оживлённые тарелки и танцующие часы. Граждане требовали себе даровых билетов, но к спектаклям

относились недоброжелательно. Дирекция раздавала даровые билеты и тихо угасала под торжествующую ругань публики.

Была в городишке и газета, которую тоже все желали получить даром, но газета крепилась, не давалась и жила.

Общественной жизнью интересовались мало. Собирались большие под лозунгом русского борца, но небольшими группами, потому что все так ненавидели друг друга, что нельзя было соединить двадцать человек, из которых десять не были бы врагами десяти остальных. А если не были, то немедленно делались.

Местоположение городка было очень странное. Окружали его не поля, не леса, не долины, – окружали его улицы самой блестящей столицы мира, с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не сливались и не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазинчики заводили свои. И в музеи и галереи редко кто заглядывал. Некогда, да и к чему – «при нашей бедности такие нежности».

Жители столицы смотрели на них сначала с интересом, изучали их нравы, искусство, быт, как интересовался когда-то культурный мир ацтеками.

Вымирающее племя... Потомки тех великих славных людей, которых... которые... которыми гордится человечество!

Потом интерес погас.

Из них выжили недурные шофёры и вышивальщицы для наших увруаров. Забавны их пляски и любопытна их музыка...

Жители городка говорили на странном арго, в котором, однако, филологи легко находили славянские корни.

Жители городка любили, когда кто-нибудь из их племени оказывался вором, жуликом или предателем. Ещё любили они творог и долгие разговоры по телефону.

Они никогда не смеялись и были очень злы».

По правде сказать, хохотать до слёз тут не над чем. Да и не рассчитана эта трагикомическая картина на хохот.

Но Тэффи, очевидно, имела в виду, что Бунин смеялся сквозь слёзы: ведь и он был жителем этого городка.

Умерла Тэффи на год раньше Бунина 6 октября 1952 года. Родилась 6 мая 1872 года.

* * *

Вот ужасная судьба человека, который хотел перевести на язык своего народа Евангелие и Библию, то есть сделать понятным своим согражданам Священное писание.

Он родился в конце XV века. Учился в Оксфордском и Кембриджском университетах, стал магистром свободных наук. Греческим текстом Евангелия Уильям Тиндал (а речь идёт о нём) увлёкся ещё во время учёбы.

Став священником, Тиндал столкнулся с ужасающим невежеством английских клириков. Собственно, чтобы преодолеть это невежество, он взялся за английский перевод Евангелия.

Однако епископ Лондонский не поддерживает Тиндала, и тот покидает Лондон, уезжает из Англии в Саксонию, в Виттенберг, где знакомится с Лютером. Знакомство не спасло Тиндала от преследований. Спасаясь от них, он переезжает с места на место.

В городе Вормс он в 1525 году анонимно публикует первое издание своего перевода. Перевод успевает разойтись по всей Англии, прежде чем власти и церковники узнали о его существовании и сожгли книгу.

Любопытно, что именно в Вормсе четыре года назад (1521) было принято решение сжечь сочинения Лютера. Но немецкие церковники спохватились поздно: издатели успели выпустить

около полумиллиона сочинений Лютера, и Вормский эдикт священников оказался бессилем остановить распространение сочинений Лютера на немецком языке.

Неприятие перевода Тиндала было главным образом связано с его протестантским тоном. Несмотря на то, что король Генрих VIII порвал с Римом ещё в 1530-м, взгляды Тиндала в основном не были ему симпатичны. Не одобрял король желание Тиндала вытравить из Библии все следы католического богослужения. Впрочем, не один только король, но известный гуманист Томас Мор вёл яростную полемику с Тиндалом и в своей защите католицизма сходилась с королём Генрихом VIII, который в сочинении «О семи таинствах» опровергал учение Лютера.

А Тиндал напротив – находился под ощутимым влиянием Лютера. В 1534 году ему удалось издать пересмотренный текст своего перевода на английский Нового Завета. Много после смерти Тиндала – через три четверти века, в 1611 году, при правлении Якова I его перевод будет избран в качестве образца для официально одобренного перевода Библии на английский.

В принципе Генрих VIII не прочь был замирился с известным учёным. Ему понравился трактат Тиндала «Послушание христианина», ратующий за верховенство светской власти над церковной. Он предложил Тиндалу, жившему в Антверпене, вернуться на родину. Но тот считал, что король легко может поменять свои взгляды под воздействием высшего английского духовенства, и королевским приглашением не воспользовался.

Поэтому когда Тиндал, благодаря предательству друга, был схвачен бельгийскими властями и брошен в Вилфордскую тюрьму под Брюсселем, король Англии ничем ему помочь уже не мог.

Год провёл в тюрьме Тиндал, переведя там на английский Пятикнижие Моисеево.

В 1536 году власти Бельгии передали его церковному суду, который признал мыслителя еретиком. Как еретик, Уильям Тиндал был удушен и сожжён на костре 6 октября 1536 года.

7 ОКТЯБРЯ

Новелла Николаевна Матвеева, родившаяся 7 октября 1934 года, в представлении не нуждается. Кто же не знает известного поэта, барда? Её песни выдержаны в традиции Александра Грина – волнующие таинственной экзотикой. Они у всех на слуху.

Стихов Новелла Матвеева написала много. Она их пишет с детства. Рискну привести не слишком зацитированные. Например, «Погоня»:

*Счастливчик
В прозе и в стихах
Толкует о свободе.
Но если есть она в верхах,
То нет её – в народе.
Так ущемлён не может быть
Никто в подлунном мире!
Ни свой домишко защитить,
Ни выступить в эфире
Не может русский человек!
А ежели, с разгону,
Негаданно, сквозь мрак и снег
Прорвётся к микрофону, —
То голос у него дрожит,
Как птаха на ладони...
Как будто всё ещё бежит
Он от лихой погони.*

Или вот это, которое мне тоже нравится выражением горестного чувства, мягким, но принципиальным декларированием собственных принципов:

*Вы думали, что я не знала,
Как вы мне чужды,
Когда, склоняясь, подбирала
Обломки дружбы.
Когда глядела не с упрёком,
А только с грустью,
Вы думали – я рвусь к истокам,
А я-то – к устью.
Разлукой больше не страцала.
Не обольщалась.
Вы думали, что я прощала,
А я – прощалась.*

* * *

Игорь Павлович Мотяшов (родился 7 октября 1932 года), вероятно, давно уже забыт. Во всяком случае, молодёжь такого критика и литературоведа не знает. И понятно, почему.

Он из породы критиков, которые обслуживают писателей. Его статьи о советской детской литературе благостны. Как правило, Мотяшов не имеет дело с писателями-дебютантами. Он пишет о проверенных зубрах – Михалкове, Барто, З. Воскресенской, Лиханове.

И если вам случайно попадётся книжка Игоря Мотяшова о Ш. Бейшеналиеве, то не подумайте, что автор взялся открыть неведомого читателю писателя. В Киргизии Шукурбек Бейшеналиев был очень введом. В 1954 – секретарь ЦК комсомола Киргизии, с 1956-го и очень долго главный редактор журналов, секретарь правления Союза писателей Киргизии, депутат Верховного Совета Киргизской ССР.

А Сергея Петровича Алексеева знаете? Был такой детский писатель. И о нём Мотяшов написал книгу. По зову сердца? Увлёкся талантом Алексеева? Не верится.

Сергей Петрович с 1946 года работал в издательстве «Детская литература», а с 1965 по 1996 – главным редактором журнала «Детская литература», у которого Мотяшов одно время был заместителем.

Мотяшов считался специалистом по детской литературе. И если выходил за пределы этого жанра, то повод для этого был очень серьёзен. Например, он автор книги «Георгий Марков». Она вышла в 1984 году. А в то время Георгий Мокеевич Марков был главным начальником всех писателей СССР.

Так что не страшно, если Мотяшова забыли. Он и сам не рассчитывал остаться в литературе.

* * *

Сказать по правде, мне Генрих Вениаминович Сапгир нравился только как детский поэт. Вот его «Весёлая азбука»:

*Ара, славный попугай,
В шашки с Аистом сыграй.
Белка прыгает с шестом,
Небеса метёт хвостом.
Волк играет с Зайцем в мячик —
Это что-нибудь да значит.
Гуси спорят и галдят,
А гагары побеждают.
Динго по бревну ходила —
Удивила Крокодила.
Ёж надел трусы и майку.
Сколько дыр в них, угадай-ка!
– Жаба, чем ты недовольна?
– Проглотила мяч футбольный.
Зебра, Зубр, и Конь, и Вол —
Все играют в волейбол.
Игуана и Тритон
Очень любят бадминтон.
Кот надеть коньки не может.
Кто из вас ему поможет?
Лев летит на мотоцикле.
Что ж такого? Все привыкли.
Мишка на велосипеде
Мчится к финишу – к победе.*

*Носорогу-бегуну
Перейди дорогу, ну!
Осьминог надел перчатки,
А Тюлень удрал с площадки.
Пеликан ныряет ловко.
Вот что значит тренировка!
Рак раздумывать не станет,
В каратэ клешиёй достанет.
Слон летит на парашюте,
Машет хоботом и шутит.
Тигр прыгнул дальше всех —
Вот невиданный успех!
Утки плавали в канале,
В результате – три медали.
Филин пешкой взял ферзя —
За доской дремать нельзя.
Хомяки раздули щёки —
Спят, лентяи, на припёке.
Цапля – тренер по ходьбе,
Даст советы и тебе.
Черепаша выжать штангу
Помогла Орангутангу.
Шмель стрелял из лука в цель —
В цель попал весёлый Шмель.
Щука плавает на яхте,
У руля стоит на вахте.
Эму-страуса берём
Мы в команду вратарём.
Юный заяц встал на лыжи.
Вот он, финиш! Ближе! Ближе!
Ягуар ракеткой машет,
И Тапир за сеткой пляшет.
Я сказать вам всем хочу:
Слава шайбе и мячу!*

Сапгир выпустил очень много детских книжек. Я знал, что он пишет взрослые вещи. Но те, которые я читал в самиздате, мне не нравились. К примеру, стихотворение «Вдох и выдох»:

*Вдыхаю
утренний свет
выдыхаю
ночную тьму
вдыхаю
живую силу
выдыхаю
мёртвый воздух
вдох мой —
вся Вселенная
выдох —*

вчерашний я

По-моему, к поэзии такие вещи имеют отношения весьма приблизительные. Знаю, что Сапгира называют классиком авангарда. Но для чего написано авангардное стихотворение «Формы»? Что я, как читатель, должен из него вынести? Ах, никто никому ничего не должен? Нет, братцы, так не пойдёт: искусство – штука духовная. Так для чего это стихотворение:

*Собака Булка Око Веко
Формы Из гипса Прогуливать Яблоками
Разбойники За ними По небу Хобот
Тянется Зацепит Оборвался Нос
Гоголя Диван Собакевич Шарамии
Уселся Какая-то девочка Связку
Упустила Летит Камбала Красавица
Красной икрой Любовники Простыни
Смяты Третий Между Просветы
Животом и локтями Сопротивляются
Теснит Разрывает Сам разрывается
Речка и мельница Куча мала
Бедра и ядра Осада крепости
Вид – и не только Телефон набираю
А там Из пасти Рука Из ящичка
Губами Заглатывая Трубку Утроба
Оттуда Из мира Идей и Возможностей
Словом и Мясом Осуществляясь —
И вариантами И неизбежностью Снова и снова
Уходит В шары В телефон В Собакевича*

Какое чувство оно вызывает? Любопытство. Мало для искусства!

Он умер 7 октября 1999 года. Родился 20 ноября 1928-го. И вот после смерти так и сыпятся на читателя подобные тексты! А жаль. У Сапгира, повторяю, есть очень хорошие детские стихи.

* * *

Эдгар По, современник Пушкина, считается пионером во многих жанрах. Его первый напечатанный рассказ «Метценгерштейн» был осязаемым вкладом в развитие жанра готики, который в будущем По особенно развил в рассказе «Маска Красной Смерти». Первый премированный рассказ «Рукопись, найденная в бутылке», обогатил жанр фантастической литературы. Рассказ «Убийство на улице Морг» принёс его автору мировую славу родоначальника детективного жанра. А рассказ «Тайна Мари Роже», в основе которого лежало реальное событие – убийство, помимо своей художественной ценности, продемонстрировал великую сыщицкую интуицию По, который занялся в рассказе собственным расследованием реальных событий и смог указать на убийцу. Следствие подтвердило правоту писателя.

Рассказ «Золотой жук» раскрыл талант По-криптографа. Это после него вспыхнула мода на профессию шифровальщика, на изобретение сложных и запутанных шрифтов.

По, проживший 40 лет (умер 7 октября 1849 года, родился 19 января 1809-го), написал множество произведений замечательной прозы. Но не только.

Мало кому известный журнал «Сазерн литерери мессенджер» менее чем за два года завоевал всеобщее признание из-за критических статей, которые регулярно печатал в нём По. Его безупречный вкус, огромная эрудиция, великолепное чувство слова заставляли читателей начинать чтение журнала с его статей. Их пафос – писать только правду о данном произведении, только то, что чувствовал критик По.

Ясно, что он нажил себе немало врагов, которые пытались отвечать ему, высмеивать его, обвинять в антипатриотизме, с каким он уничтожает новейшие американские ценности. Но это были негодные попытки. По умел быть язвительным. Умел нащупывать самую суть порочности критикуемой им литературы и писать об этой порочности:

«...Гордость, рождённая чересчур поспешино присвоенным правом на литературную свободу, всё больше усиливает в нас склонность к громогласному самовосхвалению. С самонадеянной и бессмысленной заносчивостью мы отбрасываем всякое почтение к зарубежным образцам. Упоённые ребяческим тщеславием, мы забываем, что театром, на котором разыгрывается литературное действие, является весь мир, и сколько есть мочи кричим о необходимости поощрять отечественные таланты, – в слепоте своей воображая, что достигнем цели, без разбору превознося и хорошее, и посредственное, и просто плохое, – но не даём себе труда подумать о том, что так называемое «поощрение», при подобном его понимании, на деле превращается в свою противоположность. Одним словом, нимало не стыдясь многих позорных литературных провалов, причина которым – наши собственные непомерные претензии и ложный патриотизм, и нимало не сожалея о том, что все эти нелепости – нашей домашней выделки, мы упрямо цепляемся за изначально порочную идею и, таким образом, – как ни смешон сей парадокс, – часто восхищаемся глупой книгой лишь потому, что в глупости её столько истинно американского».

Великий прозаик и великий критик, Эдгар По был и великим поэтом.

Он начинал со стихов. Из них составлены первые его книги. Но, в отличие от многих прозаиков, оставивших стихи, писал их всю жизнь, добиваясь невероятных успехов. Его «Ворон», «Улюлюм», «Аннабель-ли» вошли в классику мировой поэзии. Его считали своим предшественником русские символисты. Недаром Бальмонт перевёл почти все стихи По. Недаром их переводил Брюсов. Недаром к одному из своих стихотворений Блок взял эпиграф из «Ворона»: «Ночь без той, зовут кого / Светлым именем: Ленора». Эдгар По». А в самом стихотворении дал собеседнику оспорить мечту героя о том, что «в старости – возврат и юности, и жара...»: «Она всё та ж: Линор безумного Эдгара. Возрата нет».

Пора сказать о жизни Эдгара По, рано потерявшего родителей, не поладившего с отчимом, прошедшего службу в армии, из которой еле вырвался, много раз бравшегося редактировать печатные издания на пару с кем-нибудь и всякий раз ссорившегося с напарником. По был женат не один раз. Последняя жена умерла у него на руках. Он её оплакал в прекрасных стихах. Но, оставшись один, предался многолетнему своему пороку – пьянству, которое, конечно, приблизило его смерть.

Диву даёшься, оглядывая его многочисленное литературное наследство: как при такой жизни он успевал писать. И не просто писать, а писать гениально.

Из его стихотворений особенно популярен в России «Ворон». Его переводили многие поэты. Оно о вороне, который на все вопросы героя отвечает у По: «Nevermore» («никогда» по-английски). Мережковский, Бальмонт, Брюсов заставляли ворона, каркая, произносить вовсе не каркающее русское слово: «никогда», из-за чего пропадала правдоподобность оригинала: звукопись слова «nevermore» приближено к вороньему карканью, а слово «никогда» никакого карканья не передразнивает – в нём нет необходимого для этого «р». Так продолжалось немало времени, пока не появился перевод Василия Павловича Бетаки, приблизившийся к оригиналу. Из него я и процитирую кусочек:

*В перья чёрные разряжен, так он мрачен был и важен!
Я невольно улыбнулся, хоть тоска сжимала грудь:
«Право, ты невзрачен с виду, но не дашь себя в обиду,
Древний ворон из Аида, совершивший мрачный путь
Ты скажи мне, как ты звался там, откуда держишь
путь?»
Каркнул ворон: «Не вернуть!»*

8 ОКТЯБРЯ

Один из самых чистых и глубоко порядочных славянофилов Иван Сергеевич Аксаков родился 8 октября 1823 года. Поначалу он всей душой отдался государственной службе. Но когда после расследования в Бессарабии тамошнего раскола, он, чиновник Министерства внутренних дел, вернулся в Петербург, его через некоторое время арестовали и доставили в штаб корпуса жандармов. Ближайшим поводом к аресту послужили его письма к отцу, которые давали основания полагать в Иване Сергеевиче антиправительственный ход мыслей. На вопросы арестованный отвечал честно и откровенно. При чтении его ответов Николай I сделал несколько помет, а потом вызвал к себе шефа жандармов Алексея Орлова и сказал: *«Призови, прочти, вразуми и отпусти»*. В марте 1849-го его отпустили.

В мае командировали в Ярославскую губернию. Там введению единоверия противился местный архиепископ. Аксаков очень серьёзно изучил деятельность старообрядческой секты бегунов. К сожалению, из всего труда «О бегунах» в печати появилась только его заключительная глава. Но и в ней достаточно подробно указаны причины, из-за которых возникла секта.

В 1886 году он выпустил первую книгу стихов, которые писал давно и давно уже печатал стихи, вошедшие в неё, – с 1858 года, когда в первом номере «Москвитянина» появилось его стихотворение «Колумб». В 1848 году Аксаков писал, но не закончил поэму «Бродяга» о беглом крестьянине. Отрывки из неё он печатал в журналах и, получив много положительных отзывов, решил оставить службу и заняться литературным и журналистским трудом.

Он стал издавать «Московский сборник», но уже второй его том был запрещён к печати, а сам Аксаков лишился права быть издателем или редактором журнала. Географическое общество предложило ему описать торговлю на украинских ярмарках, и он поехал в Малороссию и написал исследование, за которое географическое общество присудило ему Константиновскую медаль, а Академия наук половинную Демидовскую премию.

Вернувшись в самый разгар Крымской войны, он в 1855-м поступил в ополчение, которое дошло только до Бессарабии.

В 1858 году Аксаков, не имевший права быть главным редактором, стал неофициальным редактором журнала «Русская беседа» (официально главным считался известный славянофил А.И. Кошелев). Аксаков собрал лучшие славянофильские силы, которые сделали очень интересными заключительные III и IV тома за 1858 года и все шесть томов журнала за 1859-й. С него, наконец, сняли запрещение, и он официально предпринял издание еженедельной газеты «Парус» – центрального, как он себе это мыслил, органа славянофилов. Но уже после выхода двух номеров издание по политическим мотивам было прекращено.

Умер отец, тяжело заболел брат, и Аксаков сопровождал больного брата в заграничном путешествии главным образом по славянским землям, где он познакомился со многими деятелями западного и южного славянства.

Вернувшись в 1861 году в Россию, он добился разрешения издавать ежедневную газету «День». Её разрешили издавать без политического раздела и под усиленным надзором цензуры. Снова лучшие славянофильские силы сплотились вокруг издания Аксакова, которое уже в первые годы имело 4000 подписчиков (это много по тем временам!). Всё было хорошо за исключением одного эпизода, когда Аксаков отказался назвать цензуре имя автора не понравившегося ей материала, и был на недолгое время отстранён от газеты. Она просуществовала до 1865 года.

А с 1 января 1867 года Аксаков стал издавать газету «Москва», которая за статьи против генерала Потапова, управляющего тогда Северным краем, а также против тогдашних порядков в Прибалтийском крае, несколько раз приостанавливалась, пока не остановилась совсем.

Министр внутренних дел А.Е. Тимашев добился для Аксакова нового запрещения издавать газеты. И это запрещение тяготело над Иваном Сергеевичем 12 лет.

В конце шестидесятых он женился на дочери поэта Тютчева Анне Фёдоровне, ставшей его деятельной помощницей. После смерти в 1875 году председателя Славянского благотворительного комитета М. Погодина, председателем стал Аксаков, который в 1878 году на этом посту, участвуя в Берлинском конгрессе, произнёс речь, порицающую деятельность российских дипломатов. За что был выслан из Москвы и провёл несколько месяцев во владимирском селе. Славянский комитет был закрыт.

В декабре 1880-го, благодаря графу Михаилу Тариэловичу Лорис-Мельникову, министру внутренних дел, получил разрешение на издание еженедельной газеты «Русь». В 1883-м «Русь» преобразилось в ежедвухнедельное издание: большому Аксакову было трудно вести дело. Тем не менее в 1885-м он вернулся к первоначальной форме еженедельника.

В этом же году, приостановив издание газеты, он уехал отдыхать и лечиться в Крым. Он отдохнул, но не вылез. Его большое сердце перестало биться 8 февраля 1886 года. Его похоронили на территории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры при огромном скоплении народа.

Да, он был славянофилом, но среди его друзей было немало западников. А жил он с убеждённостью, что *«общественный и личный идеал человечества стоит выше... всякого государства, точно так, как совесть и внутренняя правда стоят выше закона и правды внешней»*. Так что нынешним «патриотам» он не товарищ. И не единомышленник.

* * *

Василий Иванович Ардаматский (родился 8 октября 1911) в моей молодости носил кличку «Пиня» в честь героя своего фельетона, напечатанного через две с половиной недели после смерти Сталина в «Крокодиле». Никак не полагал Ардаматский, что через короткое время в советской печати появится сообщение о невиновности так называемых врачей-убийц и что в сообщении будет сказано о пытках, которые применяли к несчастным работники госбезопасности. Фельетон Ардаматского назывался «Пиня из Жмеринки» и был пронизан благостным для многих пафосом антисемитизма.

Но с другой стороны, Ардаматский спас от суда, вернул честное имя лётчику, командиру корабля ТУ-124, который сумел посадить на Неву самолёт с заглухими двигателями и с подломленным шасси. Экипаж и пассажиры были спасены. Однако лётчика Мостового обвинили в халатности, уволили с работы и отдали под суд. Ардаматский настоял на выявлении подлинных причин аварии, виновником которой оказался не Мостовой, а работники конструкторского бюро Туполева. Статью об этом Ардаматский отнёс в «Известия».

Но по советским правилам статья должна была быть завизирована Туполевым или его заместителем. Разумеется, визы они не дали. И тогда главный редактор Аджубей (дело было в октябре 1963 года) напечатал статью под свою личную ответственность.

Зятю Хрущёва, понятно, это сошло с рук, хотя работники туполевского КБ и пытались оспорить собственную виновность. Мостового восстановили на работе и представили за мужество и героизм к ордену Красной Звезды.

Ардаматский был подлинным солдатом партии и её рыцарей – чекистов. В его приключенческих романах работники госбезопасности вежливы, галантны, безукоризненно чисты и всегда разоблачают врага, в какую бы тогу он ни рядился. Разумеется, в книгах Ардаматского и намёка нет на то, что чекисты кого-то могут арестовать неправильно.

Наиболее известные его произведения: «Сатурн» почти не виден» (о работе советской разведки на оккупированных территориях во время войны) и «Возмездие» (о проведённой чекистами операции по захвату Бориса Савинкова).

Не знаю, продолжали ли его читать после его смерти, которая случилась 20 февраля 1989 года? По-моему, уже тогда перестали.

АрдаMATский известен своим безобразным поступком на одном из первых вечеров Булата Окуджавы. Это было в Доме кино в 1960 году. После исполнения «Песенки о солдатских сапогах» АрдаMATский крикнул: «Пошлость». В зрительном зале захлопали, поддерживая. Булат немедленно ушел со сцены. И долго не мог согласиться выступить ещё когда-нибудь на этой сцене.

Читают ли его сейчас? Я посмотрел оценки, которые в Интернете выставляют его романам читатели. Три его книги оценены максимальным количеством баллов – десяткой, за четыре книги он получил по 9 баллов. Но, увы, у каждой из этих семи книг в оценщиках один читатель!

Многие его вещи экранизированы. Он и Госпремию РСФСР имени братьев Васильевых получил за сценарий фильма «Синдикат-2».

За романы у него премия КГБ СССР в области искусства и литературы.

* * *

Михаил Васильевич Зотов (родился 8 октября 1923 года, умер в декабре 1995-го; дата, к сожалению нигде не указана), немец по матери, сперва был мобилизован и отправлен в Челябинск, где работал на лесоповале, каменном карьере, в стройотрядах. Но потом, признав его русским, отправили на фронт, где он получил пять ранений и с 3-й группой инвалидности демобилизован.

Он любит рисовать. Устраивается в Тольятти на молокозавод художником. Рисует и для себя. Сначала сказочные лубки, потом реалистические полотна. Не приемлет социалистического реализма. Пишет повести и романы, которые отдаёт в самиздат. Подписывает несколько обращений правозащитников к правительствам США и СССР.

Через друзей, эмигрировавших из СССР, наладил связь с радио «Свобода» и «Немецкой волной». Его произведения начинают печататься на Западе.

В 1979 году сотрудничает с неподцензурным журналом «Поиски», одним из редакторов которого был Глеб Павловский (он выступал под псевдонимом «Л. Прыгунов»).

В 1981 году Зотов арестован и направлен в Челябинск на психиатрическую экспертизу. Суд приговаривает его к помещению в психиатрическую больницу. В ней он борется за своё освобождение. Но освобождают его только в 1986-м.

С болью узнаёт Зотов, что изъятые у него «вещественные доказательства» уничтожены тюремщиками. Среди погибшего – картины.

Некоторые картины он впоследствии восстановил. В том числе очень дорогую ему картину «Степан Разин».

Перестройка открыла ему двери периодических изданий и издательств. И позволила устраивать персональные выставки.

Одна из них прошла в Москве в 1990-м. За коллекцию картин Зотову предложили 225 тысяч долларов. Он картины не продал, а выставил их в Самаре, затем в городе, ставшим родным для него, – в Тольятти.

Но саму перестройку он не принял. Встал на защиту коммунистической идеи, выступил против запрета компартии.

И даже в феврале 1994 года накануне конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра», проводившейся С.И. Григорьянцем, выступил в защиту и этой репрессивной организации.

По существу сомкнулся в своей ненависти к новой власти с Трудовой Россией Виктора Анпилова, в газете которого печатал свои статьи.

Сказать по правде, я этого не понимаю. Можно не принимать Ельцина, которого Зотов ненавидел. Трудно представить себе, что так же враждебно он отнёсся к выступлениям Саха-

рова на съезде народных депутатов, но, увы, он отнёсся к ним враждебно. Однако защита КГБ... Мне кажется, это уже из разряда некоего психического сдвига сознания.

* * *

Александр Борисович Раскин (родился 8 октября 1914 года) окончил в 1938-м Литературный институт. В сороковые годы работал в журнале «Крокодил». Тем не менее, многие его эпиграммы существовали только в устной передаче: публиковать их было опасно.

На основе мюзикла «Звезда экрана», написанного им в соавторстве с Морисом Слободским, был создан кинофильм «Весна».

Изданы сборники пародий и эпиграмм «Моментальные биографии» (1959), «Люблю грозу в начале мая...» (1975).

Эпиграммы он писал смешные. Например, «А. Твардовскому»:

*В нём редактор борется с поэтом.
Как поэт он написал об этом,
А потом (довольно важный фактор!)
Пропустил поэму, как редактор.*

Или некому «члену редколлегии». Какого издания, не указано. Но Раскин обращается, так сказать к обобщённому работнику:

*Заботы у него хватает:
Свой труд тяжёлый возлюбя,
Сам пишет он, и сам читает,
И сам печатает себя.*

А эпиграмма на некоего «принципиального»? Сколько таких принципиальных доводилось встречать:

*Принципиален до конца,
Голосовал за подлеца
И говорил: в конце концов,
Я видел худших подлецов.*

До сих пор популярны книги Раскина, скончавшегося 4 февраля 1971 года, для детей «Как папа был маленьким» и «Как маленький папа учился в школе».

* * *

Мы с женой познакомились с Юрием Николаевичем Сбитневым (родился 8 октября 1931 года) в туристской поездке. Сбитнев в это время был мужем Майи Ганиной, которая тоже была в этой поездке и с которой мы были некогда дружны. Именно до тех пор, пока она не вышла замуж за Сбитнева. Майя легко поддавалась влияниям, а влияние Сбитнева, которому она поддалась, мне не нравилось: она перешла на почвеннические позиции.

Потом уже много позже в 1990-м они подпишут письмо, сочинённое поэтессой Татьяной Глушковой, о русофобии средств массовой информации и даже о превознесении СМИ сионизма.

Сбитнев был известен как очень плодовитый писатель. Только о сибирском Севере он написал более 20 прозаических книг.

Но он писал не только прозу. В «Дне поэзии-71» было напечатано такое его стихотворение:

*Уезжаю. Сердце остаётся,
И который раз хочу понять,
Как же это людям удаётся,
Уезжая, сердце оставлять.
Вот оно тихонько под рукою,
Словно птица клювом, – тук и тук.
Как же получается такое —
Там живёт оно, а бьётся тут?
Там, где я любил и жил немало,
Уезжал откуда второпях, —
Ходит моя старенькая мама,
Моё сердце нянча на руках.
Заболит оно, и этой болью
Будут ночи долгие полны, —
Материнской кровью и любовью
До седых волос сыны сильны.
Знаю я, случись со мной такое,
Что и сердцу не стучать в груди,
Тёплой материнскою рукою
Подтолкнёт его. Шепнёт ему: «Иди!»
Снова всех дорог мне стало мало,
Снова уезжаю второпях,
Снова оставляю сердце, мама,
На твоих, любимая, руках.*

Мне оно не нравилось, и я спорил с некоторыми своими коллегами, которые его защищали. Им понравился образ оставленного на родине сердца. А я доказывал, что этот образ возник вопреки нормам языка, который предписывает оставлять где-то частичку сердца, а не всё сердце целиком. А кроме того, стихотворение сентиментально, слащаво. Но сентиментальность вызывает не к чувству, а к человеческому инстинкту.

С середины 80-х Сбитнев почти полностью переключился на историю России, Руси. Написал роман-дилогию «Великий князь» о князе Игоре Черниговском, павшем жертвой предательства в княжеских междуусобицах XII века и канонизированном православной церковью как мученик. За эту дилогию получил в 2009 году премию своего Союза писателей России «Александр Невский».

Чего действительно не отнимешь у Сбитнева – это его кропотливая дотошность, с какой он подходит к интересующему его предмету. Заинтересовался «Словом о полку Игореве» и стал изучать древнерусские говоры, чтобы понять язык произведения, написанного в XII веке.

Он издал в Чернигове в 2010 году книгу «Тайны родного Слова. Моё прикосновение к «Слову о полку Игореве», за которую получил от общественной организации орден «Служение искусству».

Любопытная книга. Кое-что в «Слове» Сбитнев прочитал заново и, должно быть, правильно. Какие-то тёмные места в памятнике разъяснил. Но меня удивил один апологет Сбит-

нева, пересказывающий его концепцию, которая высмеивает именование князя Олега, названного *«почему-то по-хазарски каганом»*.

Но в написанном на век раньше «Слова о полку» «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион именуется князя именно каганом – верный признак того, что это заимствование из хазарского жила в языке того времени.

Другое дело, что по Сбитневу в подлиннике не «кАган», а «кОганя», которую он переводит как «кроха», «дитя».

Сбитнев приписывает авторство «Слова о полку Игореве» Болеславе, дочери великого князя киевского Святослава. Его расшифровка авторской подписи очень любопытна. Странно, что о ней, кажется, до сих пор не высказался ни один из авторитетных учёных, изучающих русскую древность!

* * *

В детстве мне очень нравилась книга Алексея Свирского «Рыжик». Трогательная история маленького оборвыша, которая заканчивалась необычно – смертью лучшего друга Рыжика, запомнилась надолго.

Это потом, прочитав автобиографическую книгу Свирского «История моей жизни», я понял, что автор – не просто дореволюционный писатель, как я решил поначалу, но что он пережил революцию и писал ещё и после неё.

Алексей Иванович Свирский родился 8 октября 1865 года. Как и его герой, он с детства стал беспризорником и начал бродяжничать по стране. Причём география его бродяжничества обширна. Он исходил всю Россию, побывал в Константинополе, в Персии, работал в Донбассе, на Волге, в Крыму, на Кавказе. Даже в Туркестане собирал хлопок.

Писать стал рано. Любимого моего «Рыжика» написал в 1901–1904 годах. А до этого написал рассказы и очерки о босяках, которые печатал в периодических изданиях и собрал в книги «Ростовские трущобы» (1893), «В стенах тюрьмы» (1894), «По тюрьмам и вертепам» (1895).

Конечно, на память сразу приходят «Петербургские трущобы» В. Крестовского. Да, Свирский продолжил его традицию. Он пишет рассказы и очерки о беспризорных детях, которые тоже собирает в трёхтомнике «Несчастные дети» (том первый – «Мир трущоб», том второй – «Мир тюрем», том третий – «Мир нищих и пропойц»).

Еврейские погромы, которые застал Свирский, стали толчком к написанию «Еврейских рассказов» (1909), «За чертой» (1912), «В дни бесправия» (1927), «Евреи» (1934).

После революции Свирский член объединения писателей «Кузница». Но его рассказы о послереволюционном быте неудачны. Похоже на тот случай, о котором мы говорим: автор одной книги. Свирский хорош там, где он пишет на совершенно определённую тему, связанную с бродяжничеством, с беспризорничеством, с тяжёлым бытом рабочего люда.

Умер 6 февраля 1942 года.

* * *

Андрея Донатовича Синявского (родился 8 октября 1925 года) я помню в основном по статьям и особенно по рецензиям в «Новом мире» А. Твардовского. Видел его несколько раз в ИМЛИ, но знакомы мы не были. Последней его работой, которую я прочитал до его ареста, была вступительная статья к стихотворениям Б. Пастернака, вышедшим в серии «Большая библиотека поэта».

А до этого читал ещё его книгу «Пикассо», написанную в соавторстве с И. Голомштоком, и написанную в соавторстве с А. Меньшутиним книгу «Поэзия первых лет революции. 1917–1920».

Потом я читал гнусные статьи Д. Ерёмкина и З. Кедриной, которые навсегда закрепили за их авторами репутацию людей из КГБ, читал письмо 63 писателей, предложивших отдать им арестованных Синявского и Ю. Даниэля на поруки, читал злобную речь Шолохова, где он жалел, что с Синявским не расправились по законам революционного времени, то есть «не пустили в расход». Знал, что в день конституции 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади состоялся митинг, потребовавший гласного суда над Синявским и Даниэлем. Тогда же впервые услышал имя Александра Сергеевича Есенина-Вольпина, сына Сергея Есенина. Есенина-Вольпина и ещё несколько человек увезли с митинга на допрос работники госбезопасности. Но отпустили. Это был первый митинг на Пушкинской. В дальнейшем госбезопасность была не столь миролюбива.

А после прочитал я и Абрама Терца (Синявский) и Николая Аржака (Даниэль). Терц мне не понравился, а у Аржака понравилась только «Говорит Москва».

Впрочем, я говорю только о тех книгах, за что они были арестованы – Синявский и Даниэль. Не помню, входила ли в этот перечень работа Терца «Что такое социалистический реализм». Если входила, то извиняюсь – эта работа мне понравилась.

А послетюремные вещи Терца «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя» (об этой книге прекрасную работу «Письма из Мёртвого дома» написал самарский учёный В.Ш. Кривонос), «Спокойной ночи» меня равнодушным не оставили. Было смешно читать стенограмму пленума Союза писателей РСФСР, где все выступавшие облаивали Синявского (Терца) за его книгу «Прогулки с Пушкиным». Весёлая эта книга своим тоном у меня вызвала в памяти знаменитое определение Блока: «*Весёлое имя Пушкин*».

Стенограмма производила впечатление, что Синявского ненавидят не столько за Пушкина, сколько за то, что он выбрал для себя еврейский псевдоним. Кажется, что выступавшие намного чаще произносят «Абрам Терц», чем «Пушкин». Иногда автора называют: «Синявский-Терц», но в таком контексте, который свидетельствует, что речь идет о страшном предательстве веры человеком, перешедшим из православия в иудаизм.

Синявский останется в памяти (он умер 25 февраля 1997 года) весёлым человеком, умевшим подмечать смешные явления жизни, относившимся к советскому строю как к гротеску, как к общественному нонсенсу.

* * *

Жаль, что у нас почти неизвестна Екатерина Алексеевна Сысоева (родилась 8 октября 1829 года). Она – автор очаровательной книжки «История маленькой девочки», написанной по всей очевидности на автобиографическом материале. Кроме того, она создала несколько художественных биографий: «От бревенчатой хижины до Белого дома, жизнь Дж. Гарфильда», «Жизнь и подвиги Иннокентия, проповедника Евангелия на Алеутских островах», «Жизнь Гарриет Бичер Стоу».

С 1882 года она издавала детский журнал «Родник», пользующийся популярностью.

Она перевела роман Виктора Гюго «Десять третий год», повесть для детей Сесилии Джемисон «Леди Джейн», роман Ганса Кристиана Андерсена «Только скрипач».

А ещё она способствовала развитию просвещения в России. В её журнале «Воспитание и обучение» печатались лучшие педагоги того времени В.П. Авенариус, Н.И. Позняков, Д.Н. Кайгородов. Она перевела Г. Спенсера «Воспитание нравственное и физическое», Ч. Дарвина «Половой подбор», Э. Маха «О звуковых ощущениях».

Словом, много доброго сделала эта незаслуженно забытая ныне женщина, скончавшаяся 4 декабря 1893 года!

* * *

Эдуарда Владимировича Тополя (родился 8 октября 1938 года) я помню по публикации в «Юности». В 1978 году он эмигрировал в Америку.

Романы «Красная площадь» и «Журналист для Брежнева», написанные им в соавторстве с Фридрихом Незнанским, я прочитал уже в тамиздате.

Потом уже в 2004 году по «Красной площади» у нас сняли телесериал (8 серий).

Мне Тополь не представляется интересным детективщиком. А эротических его романов «Россия в постели», «Новая Россия в постели», «Невинная Настя» я не читал. Не тянет.

Вообще-то Тополь начинал как сценарист. И за сценарий фильма «Юнга Северного флота» в 1964 году получил «Алую гвоздику», которой ЦК комсомола отмечал лучший фильм года для детей и юношества.

Как сценарист он у нас и востребован. «У. Е.», «Ванечка», «Монтана», «Чужое лицо» – всё это снято для телевидения, для нашего ТВ, которое я давно уже не смотрю.

Удивило, что московское правительство в 2005 году (при Лужкове) наградило его премией «Вместе с Россией» – за развитие русского языка и литературы за рубежом.

И не удивил его приз международного кинофестиваля «Золотой Феникс» и призы Международного фестиваля «Волоколамский рубеж» за фильм «На краю стою»: сценарист он опытный.

* * *

«У этих фарсов кроме всех прочих достоинств есть ещё одно – они смешные», – писал о фарсах Генри Филдинга его исследователь Юрий Кагарлицкий. И добавлял: «Достоинство не из последних. Ибо фарс, как известно, был началом и первоосновой комедии».

С фарсов начинал великий английский писатель. Его «Авторский фарс», поставленный в марте 1730 года, прошёл только за один этот год 41 раз. Успех спектакля был таким мощным, что администрация театра вынуждена была для этого спектакля отпечатать билеты, продававшиеся заранее. Прежде театральная публика врывается в зал и бежала по скамейкам без спинок к передним рядам. Билеты на Филдинга несли в себе новинку: места были пронумерованы.

Между тем, некоторые пьесы Филдинга вызвали жестокую критику правительства и, в частности, Канцлера казначейства сэра Роберта Уполла.

Уполл добился принятия закона о театральной цензуре 1737 года, который запретил сатиры на политические темы. В связи с этим Филдинг оставил театр, поступил учиться на адвоката и стал им в 1740 году.

Но писательство не забросил. Напечатал трагедию трагедий «Мальчик-с-пальчик», которая имела хороший тираж. Писал под псевдонимом «Капитан Геркулес уксус» статьи для периодических изданий тори – сатирические статьи, в которых выражал свои либеральные и анти-якобинские взгляды.

В это время в Англии большим успехом пользовались романы Самюэла Ричардсона (помните, это был один из любимых писателей княжны Алины из пушкинского «Евгения Онегина»?). Филдинг относился к Ричардсону насмешливо, о чём говорит его роман «Шамела», выпущенный в 1741 году анонимно и представляющий собой пародию на роман Ричардсона «Памела».

Филдинг попробовал продолжить «Шамелу», написал роман «Джозеф Эндрюс» (1742) о брате Шамелы Джозефе. Но, как считают специалисты, отошёл в этой книге от жанра пародии, заложив основы собственного стиля.

Считается ещё, что до «Шамелы» и «Джозефа Эндрюса» Филдинг начал писать роман «История жизни покойного Джонатана Уайлда Великого», который опубликовал в 1743 году. В нём просматривается сатира на Канцлера казначейства Уполла. Во всяком случае сходство между Уполлом и разбойником, главарём банды Джонатана Уайлда несомненно. Так же, как несомненно сходство банды Уайлда с бандой Уполла – партией виггов, не названной, но легко обнаруживающей себя. Её главарь «Великий Человек» (так пресса называла Уполла) достигнет своего «величия», когда будет повешен за свои преступления.

Филдинг не забрасывает юридической карьеры. В 1745 году он назначен Главным судьёй Лондона. Вместе со своим младшим братом слепым от рождения Джоном он в 1749 году помог организовать подразделение ищек с Боу-стрит, которое считается первым полицейским подразделением Лондона. Их с братом называют лучшими судьями Лондона в XVIII веке, много сделавшими для улучшения судебной системы и условий содержания заключённых. Да, не только Филдинг, но и слепой Джон, отличавшийся умением распознавать преступников по их голосам, совершенствовал судебную систему, когда сменил на посту Главного судьи Лондона своего брата, который занялся журналистикой и критикой собратьев-писателей.

К этому времени Филдинг уже опубликовал своё главное произведение «История Тома Джойса, найдёныша» (1749). Этот плутовской роман о герое, который достиг успеха благодаря своей неистребимой оптимистической вере в человеческое достоинство. Роман был подлинной новинкой для читателя, не привыкшего к авторской непредвзятости и к авторскому нежеланию маскировать собственные намерения. Вот, к примеру, одно из обращений Филдинга к читателю романа:

«...древние писатели имели большое преимущество перед нами. Мифология, в сказания которой народ веровал куда больше, чем верует теперь в догматы какой угодно религии, всегда давала им возможность выручить любимого героя. Боги всегда находились под рукой писателя, готовые исполнить малейшее его желание, и чем необыкновеннее была его выдумка, тем больше пленяла и восхищала она доверчивого читателя. Тогдашним писателям легче было перенести героя из страны в страну и даже переправить на тот свет и обратно, чем нынешним освободить его из тюрьмы.

Такую же помощь арабы и персы, сочиняя свои сказки, получали от гениев и фей, вера в которых у них зиждется на авторитете самого Корана. Но мы не располагаем подобными средствами. Нам приходится держаться естественных объяснений. Попробуем же сделать что можно для бедняги Джонса, не прибегая к помощи чудесного, хотя, надо сознаться, некий голос и шепчет мне на ухо, что он ещё не изведал самого худшего и что ужаснейшее известие ещё ждёт его на нераскрытых листках книги судеб».

Разумеется, Филдинг нашёл, что можно сделать для своего героя, «не прибегая к помощи чудесного». Но сам по себе декларируемый писателем художественный приём приближал литературу к реализму.

Конечно, до него ещё было далеко, речь идёт о ростках, которые только-только пробивались на литературных страницах. Заколосились же они гораздо позже смерти Филдинга, случившейся 8 октября 1754 года. Писатель прожил 47 лет: родился 22 апреля 1707-го.

9 ОКТЯБРЯ

Михаил Алексеевич Варфоломеев (родился 9 октября 1947 года) описал свою жизнь в автобиографической повести «Круги». Он сменил много профессий: бурильщик, скотник, бетонщик, рабочий сцены, актёр, художественный руководитель театра в своём родном городе Черемхово Иркутской области. Первый рассказ опубликовал в газете в 1965 году.

Он был очень плодовитым драматургом. Написал более 60 пьес. Благодаря первой своей пьесе «Полынь – трава горькая» (1975), признанной на конкурсе лучшей пьесой о Великой Отечественной войне, стал известен. Его пьесы шли и, кажется, идут во многих театрах страны. Их ставили и за рубежом.

Более десятка фильмов сняты по его сценариям. Среди них «Полынь – трава горькая», «Бесы», «Миленский ты мой».

Плодовитый писатель написал около двухсот рассказов, десять повестей, романы «За стеклом» и «Без берегов». Печатался в основном в журнале «Москва», совпадая с православно-патриотической позицией этого журнала.

Был лауреатом премии имени Бунина за лучший рассказ, лауреатом всероссийского конкурса драматургов за пьесу «Поросёнок Кнок».

Мне он представляется подражателем своих именитых земляков Вампилова и Распутина. Умер рано 26 мая 2001-го на 54-м году жизни.

В 2012 году в Черемхове ему установлен памятник.

* * *

Илья Янкелевич Габай (родился 9 октября 1935 года) свою правозащитную деятельность начал с первого же митинга брежневской поры на Пушкинской площади 1965 года. 21 января 1967 года участвовал в демонстрации, протестовавшей против ареста Ю. Галанскова, В. Лашковой, А. Добровольского. Через пять дней был арестован, заключён в Лефортовскую камеру, но через четыре месяца был отпущен «за отсутствием состава преступления». Вот какое было тогда время!

Но оно ужесточалось на глазах.

Габай стал активным правозащитником. Особенно много сделал для реабилитации крымско-татарского народа. Помогал Зампире Асановой, Ролану Кадыеву, Мустафе Джемилеву подготавливать документы, выступал в «Хронике текущих событий», работал над выпуском этого периодического издания самиздата.

В мае 1969 года по обвинению в клевете на советский строй был отправлен на следствие в Ташкент. Там был приговорён к 3 годам заключения. Отбывал наказание в лагере Кемеровской области, где написал поэму «Выбранные места».

В марте 1972 года его перевели в Москву для дачи показаний по делу о «Хронике текущих событий». В мае был освобожден.

Но с арестом П. Якира и В. Красина, давших показания против Габая и выступивших с покаянием по телевидению, над Габаем нависла новая угроза заключения. 20 октября 1972 года Илья Янкелевич выбросился с балкона одиннадцатого этажа. Некролог был опубликован в «Хронике текущих событий».

Его стихи опубликованы в книгах, вышедших в 90-е годы.

Эмигрировавшая на Запад вдова Габая Галина Габай-Фикен издала в Бостоне в 2011 году объёмный сборник «Горстка книг да дружества...», вобравший в себя всё творчество Ильи Габая.

А поэтом Габай был самобытным. Вот его стихотворение «Юдифь», написанное в 1963 году:

*Изменами измены породив, плывут века
Но что Азефы? Хуже и памятной донос жены на мужа,
поклёп сестры на брата, жесткий гриф безумной лжи, тупого
простодушья. А ты у колыбели их, Юдифь!
Но что же натворила ты, Юдифь! Земля и небо, лебеди и гуси
поют один, назойливый мотив: «Зачем ты это сделала, Юдифь?»
Зачем ты это сделала, Юдифь? Из злобы? Из коварства?
Для идеи? Или для счастья робких иудеев, которые ликуют, не
простив тебе своей трусливости, Юдифь?
Зачем ты это сделала, Юдифь? Чтобы оставить борозду
в преданьях? Или чтоб стать праmaterью предательств,
воительною кровью напоив свою гордыню бабу, Иудифь?!
Зачем ты это сделала, Юдифь? По зову мод рядились наши
жёны в доспехи неproщения, в клики Жанны, зачем они родились,
позабыв: они пришли в сей мир любить, Юдифь!
Зачем ты это сделала, Юдифь? Ведь если ты оглянeшьcя,
наверно, увидишь, как по трунам Олофернов толпа уродиц жадно
лезет в миф, а ты была красавицей, Юдифь!..
Зачем ты это сделала, Юдифь? На мрачный подвиг от докучи
зарясь? А может, восхищение и зависть в нас, неспособных к
подвигам, вселив, ты нас звала к оружию, Юдифь?
Но мы не можем. Мы больны.*

* * *

Мне понравилась «Повесть о рядовом Смородине, сержанте Власенко и о себе» Бориса Николаевича Никольского, которую опубликовал журнал «Юность» в 1962 году.

О своей биографии он написал сам:

«Я родился 9 октября 1931 года в Ленинграде. Во время войны был эвакуирован в Среднюю Азию, в августе 1944 года вернулся в Ленинград. В 1949 году окончил школу с золотой медалью и поступил в московский Литературный институт имени А.М. Горького. После окончания института в 1954 году был направлен на работу в молодёжную газету в г. Калинин (Тверь). В том же году в декабре был призван в армию, служил в Забайкальском военном округе рядовым солдатом, сержантом.

В конце 1956 года был уволен в запас и вернулся в Ленинград. Работал в журнале «Костёр», затем в «Авроре», избирался и работал секретарём правления Ленинградской писательской организации. С декабря 1984 года работаю главным редактором журнала «Нева».

Свой первый рассказ опубликовал ещё школьником в газете «Ленинские искры». Однако началом профессиональной литературной работы считаю 1962 год, когда в журнале «Юность» была напечатана моя «Повесть о рядовом Смородине, сержанте Власенко и о себе». В 1963–1964 гг. вышли мои первые книги – «Полоса препятствий» в издательстве «Детская литература» и «Триста дней ожидания» в «Молодой гвардии». С тех пор мною написано и выпущено более 20 книг.

В конце шестидесятых я начал работать над циклом небольших книжечек для детей, посвящённых армии, таких, как «Кто охраняет небо», «Как прыгал с парашютом», «Что

умеют танкисты», «Как живёт аэродром» и т. д. Впоследствии эти книжки выходили уже под одной обложкой под названиями «Солдатская школа» и «Армейская азбука». Именно эти книги вызвали огромную читательскую почту. Кроме того, для детей мною были написаны «Весёлые солдатские истории», «Приключения рядового Башмакова», «Три пишем, два – в уме» и другие.

Одновременно я работал над книгами, адресованными взрослому читателю. Так, у меня вышли сборники повестей «Баллада о далёком гарнизоне» (Лениздат, 1968 г.), «Рапорт» (Л. СП. 1978 г.), романы «Жду и надеюсь» (Лениздат, 1976 г.), «Белые шары, чёрные шары...» (Лениздат, 1980 г.), «Формула памяти» (Л. СП. 1982 г.), «Воскрешение из мёртвых» (Л. СП. 1990 г.), книга фантастики «Бунт» (Лениздат, 1987 г.) и другие.

В 1989 году я был избран народным депутатом СССР, до конца 1991 года работал в Верховном Совете СССР в качестве заместителя Председателя Комитета по вопросам гласности, принимал самое активное участие в подготовке первого Закона о печати.

Награждён двумя орденами: «Знак почёта» и «Дружбы народов».

Я писал в журнале «Детская литература» о какой-то из книг Никольского. За неимением журнала, не помню, в каком году это было, и о каком произведении я писал. Но помню, что отзывался о произведении писателя на армейскую тему.

Впрочем, как понятно из его автобиографии, армейская тема была ведущей в творчестве Никольского.

После перестройки у себя в «Неве» он напечатал несколько интересных эпизодов о своей жизни.

Вот он вспоминает, как наконец-то цензура разрешила «Неве» напечатать солженицынский «Март семнадцатого» и как он, главный редактор, держит в руках сигнальный экземпляр номера с текстом Солженицына:

«Как обычно, я принялся листать номер – почти весь его объём занимал «Март Семнадцатого». И вдруг... У меня похолодели руки. Что такое?! Ещё не веря своим глазам, я снова принялся пролистывать номер. Так... так... «Март Семнадцатого»... «Март Семнадцатого»... И вдруг на очередном развороте публикация Солженицына неожиданно обрывается, и справа я читаю: «Хрен вы его найдёте», Олег Тарутин, фантастический рассказ... Дальше идут несколько страниц рассказа, а затем как ни в чем не бывало вновь продолжается «Март Семнадцатого»...

Трудно передать словами, что я тогда испытывал. Было ясно: подписать номер в таком виде, конечно же, я не могу, и это означает, что отпечатанный тираж пойдёт под нож. Катастрофа!

Причём я ведь точно знал, что, когда мы подписывали номер в печать, когда отправляли в типографию, всё было в порядке. Откуда же взялся Олег Тарутин со своим «Хрен вы его найдёте»?! Главное, говорил я себе, если бы хоть название было какое-то другое, нейтральное, не привлекающее внимания, а то, как нарочно, словно бы в насмешку!

Уже чуть позже, размышляя над случившимся, срочно позвонив в типографию, мы поняли, что произошло: причина заключалась в том, что из двух номеров [...] мы составили один, сдвоенный, какие-то материалы, входившие в 11-й и 12-й номера, должны были остаться, какие-то выпасть. Вот тут-то в типографии по невнимательности и была допущена ошибка. Рассказ Олега Тарутина, нами вынужденно исключённый из номера, ошибочно оказался завёрстанным в текст Солженицына.

Так или иначе, но тираж действительно пришлось забраковать.

Надо отдать должное типографии: она постаралась как можно быстрее исправить свою ошибку. И через несколько дней тираж журнала – уже без всяких новых злоключений – отправился к подписчикам.

А я до сих пор бережно храню ставший уникальным, теперь уже, наверно, единственный сигнальный экземпляр, со страниц которого Олег Тарутин, отличный поэт и прозаик, к сожалению, уже ушедший из жизни, с весёлым озорством восклицает: «Хрен вы его найдёте!»

Не знаю, собраны ли такие эпизоды воспоминаний Никольского в «Неве» в отдельную книжку. Если нет, советую обратиться к сетевому «Журнальному залу». Там они сохранились. Умер Борис Николаевич Никольский 18 декабря 2011 года.

* * *

Агнешка Осецкая, родившаяся 9 октября 1937 года (умерла 7 марта 1997-го), польская поэтесса, чьё имя сразу же вызывает в памяти песню Булата Окуджавы «Прощание с Польшей», её (песни) строчки: *«Мы связаны, Агнешка, давно одной судьбою / в прощанье и в прощенье, и в смехе, и в слезах...», «Нам время подарил пустые обещанья. / От них у нас, Агнешка, кружится голова».*

Она писала и прозу, и пьесы. Но главное в её творчестве – стихи, многие из которых стали песнями. Очень многие: Агнешка Осецкая – автор текстов около 2 тысяч песен.

Её любили в Польше. Для своего поколения она то же, что для нашего – Булат Окуджава, который не зря посвятил ей песню: они дружили.

Вот подстрочник знаменитых её «Строф для гитары»:

*Сядь перед этим мужчиной лицом к лицу,
Когда меня уже не будет.
Сожгите в камине мою обувь и плащ,
Устройте себе гнёздышко.
А меня обманывай мило
Улыбкой, словом, жестом,
Пока я есть...
Дели хлеб с этим мужчиной,
Когда меня уже не будет.
Купите занавески, какую-нибудь лампу и стол,
Устройте себе гнёздышко.
А меня развлекай печально,
Улыбкой, словом, жестом,
Пока я есть...
Поплыви с этим мужчиной в верховья рек,
Когда меня уже не будет,
Найдите поляну, стройную сосну и берег,
Устройте себе местечко.
А меня вспоминай благодарно
За то, что мало снился.
Но ведь я был, я был...*

А Булат Окуджава не только посвятил ей свою песню. Он перевёл и её. И она в его переводе стала не менее популярной, чем песни самого Окуджавы, написавшего мелодию к ней:

*Гаснут, гаснут костры, спит картошка в золе.
Будет долгая ночь на холодной земле.
И холодное утро займётся,
и сюда уж никто не вернётся...*

*Без листвы и тепла как природа жалка.
Поредела толпа у пивного ларька.
Продавищица глядит сиротливо,
и недопито чёрное пиво...*

Припев:

*Ах, пане, панове,
да тепла нет ни на грош.
Что было, то сплыло,
того уж не вернёшь.*

*Как теряют деревья остатки одежд,
словно нет у деревьев на лето надежд.
Только я пока очень любима,
и любовь не прошла ещё мимо...
Но маячит уже карнавала конец,
лист осенний летит, как разлуки гонец.
И в природе всё как-то тревожно,
и мой милый глядит осторожно...*

Припев

*– До свиданья, мой милый, – скажу я ему,
– вот и лету конец, все одно к одному.
Я тебя слишком сильно любила,
потому про разлуку забыла. —
Горьких слов от него услышать не боюсь —
он воспитан на самый изысканный вкус.
Он щеки моей нежно коснётся,
но, конечно, уже не вернётся...*

Припев

Любопытно, что памятник, который в Варшаве поставили Агнешке Осецкой, напоминает памятник Булату Окуджаве на Арбате. Булат изображён выходящим из дворовой арки. Агнешка – сидящей за столиком рядом с кафе.

* * *

Николай Владимирович Станкевич (родился 9 октября 1813 года), основатель так называемого «кружка Станкевича», который поначалу был исключительно студенческим, но потом перерос рамки университета или, лучше сказать, вырос из этих рамок.

Кружок противопоставлялся другому кружку – Герцена и Огарёва, где изучали учение Сен-Симона и французских утопистов-социалистов, следили за жизнью июльской монархии, вспоминали об империи Наполеона. А кружок Станкевича к политике был равнодушен, изучал немецких философов, занимался вопросами эстетики и литературы. Входили в него, кроме самого Станкевича, Белинский, Грановский, И. Аксаков, Катков, Лермонтов, Кольцов, Василий Боткин и ещё несколько менее известных людей. Впоследствии многие из кружковцев станут друг другу оппонентами, друг с другом дискутировать и довольно бурно. Но в тридцатые

годы их спланировал вокруг себя Станкевич своим, как вспоминали кружковцы, обаянием, умом, любовью к искусству, к немецкой и французской литературе, своим эстетическим чутьём на таланты. Станкевич не был руководителем, но был организатором. Кружковцы не были его учениками, но признавали его авторитет, который позволял ему быть центром кружка.

В 1834 году Станкевич уезжает в деревню, где решает держать экзамен на магистра по истории. Однако, прочитав Геродота, Фукидида, перечитав древнегреческие исторические памятники, отказывается от этого. Занятия историей представляются ему односторонними. Он соглашается принять должность почётного смотрителя Острожского уездного училища. На этой должности он хочет осуществить такие радикальные меры, как уничтожение телесного наказания в школах, введение в уездных училищах ланкастерской взаимной системы обучения. Но даёт знать о себе быстро развивающаяся болезнь, и он оставляет эти занятия.

В конце 1835 года он возвращается в Москву, где знакомится и сближается с Бакуниным и мечтает о поездке за границу, в Германию, на родину любимых философов Шеллинга, Фихте, Канта и Гегеля. Знакомство с сестрой Бакунина Любовью Александровной быстро переросло в роман, который принёс Станкевичу сильные душевные потрясения. В 1837 году, уже объявив Бакунину своей невестой, он вдруг усомнился в собственных чувствах и не смог ни отказаться от брака, ни согласиться на него. По всей очевидности, Любовь Александровна потрясена была никак не меньше Станкевича. Когда он в 1839 году находился за границей, пришло известие о её смерти.

В 1837 году он выехал на воды в Карлсбад, где прошёл успешное лечение и набрался сил для поездки в Берлин и житья в нём. Он снял квартиру в том же доме, где в это время жили его друзья Неверов и Грановский. Он с энтузиазмом посещал лекции некоторых видных профессоров Берлинского университета, брал private уроки по философии.

Помимо научных занятий Станкевич окупился в театральную жизнь Берлина, посещает его музеи. Выезжает в Дрезден ради знаменитой художественной галереи, едет на родину Гёте и Шиллера в Веймар.

Однако болезнь вновь брала своё, и врачи посоветовали Станкевичу ехать в Италию.

По пути в Италию он остановился в швейцарском Базеле, где узнал о смерти Л.А. Бакуниной.

В Риме он встретился с Тургеневым и сдружился с ним. Тургенев оставил воспоминание об этом периоде жизни Станкевича, о том, как однажды, читая вслух Пушкина, он закашлялся, поднёс ко рту платок: на нём оказалась кровь. Улыбнувшись, он продолжил чтение.

В мае 1840 болезнь обострилась, но в июне Станкевичу стало лучше, и он отправляется во Флоренцию, а из неё – в Милан, до которого не доехал. Ему стало плохо, и 25 июня он скончался.

По признанию многих, Станкевич в своих сочинениях куда менее интересен, чем в своих лекциях, беседах, письмах. Это правда. Я с трудом нашёл у него стихотворение, которое можно было бы процитировать. Оно названо «На могилу сельской девицы»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.